



**Международная академия методологии
государственного управления**

МОО

**Всероссийское общественное движение
«Социальная справедливость-будущее России»»**

ВОО

Всемирный Философский Форум

МОО

Кондрашин И.И

.

О государственности и власти

Философский и социально-политический аспект

Том 46(88)

Москва – 2018

Научное издание
Международный межведомственный научный сборник

Том 46(88)

*Свидетельство о государственной регистрации печатного средства
массовой информации: серия КВ № 6*

ББК 67.9 (4 УКР) 452

УДК 343.37 (488)71

Рекомендовано к печати

Экспертным Советом

Международной академии методологии государственного
управления 25 мая 2018 г., протокол № 19

Исповедь мудрости. В пяти книгах. Книга четвертая
- О государственности и власти. Кондрашин И.И. /
Гл. ред. Комарова А.И. Том 46(88).
М., 2018.

ISBN978-5-91578-013-46

Для сотрудников государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, политиков, ученых, специалистов-практиков, студентов, аспирантов и преподавателей высших и других образовательных учреждений, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания человеческого общества-общества социальной справедливости в России и в Мире.

©Международная академия методологии
государственного управления, 2018.

© Всемирный философский форум, 2018.

© Кондрашин И.И., 2018.

Настоящий Том 46(88) – это очередной выпуск 88 - томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

А.Комарова

Кондрашин Игорь Иванович – философ, Президент Всемирного Философского Форума, Лауреат Международной Премии Мира ГУЗИ



Задача современной философии, опираясь на то ценное, что было достигнуто великими предшественниками-классиками, дать толчок философскому осмыслению жизни именно в таком направлении, чтобы ее истинность подтверждалась позитивной практикой, а логика – всем ходом последующих событий. Таким образом, только обозначенный Кантом путь в философии через «чистое» теоретизирование к «практическому» может дать полезные результаты и вызвать реальный интерес к философским находкам у нефилософствующей части человечества. Ведь философы должны творить именно для них, а не для себя, для собственного самолюбования...

Кондрашин И.И.

О государственности и власти

СОДЕРЖАНИЕ

О гражданской сути государственности

Какой должна быть власть?

"Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувства гражданина мальчик, вырастая, становится существом мужского пола сначала средних, а затем и пожилых лет, но мужчиной он так и не становится".

Н.Г. Чернышевский

"Способность быть гражданином - это и есть способность возвысить свой голос до мнения всей страны".

Ф.М. Достоевский

Понятие **гражданство** означает правовую принадлежность лица к данному государству, в силу которой на человека распространяются законы этого государства, соответствующие **гражданские права** и **обязанности**. Тема гражданственности, гражданского сознания, умения быть гражданином занимала умы мыслителей с незапамятных времен. Рассуждения в этой области знаний можно встретить у многих философов, начиная с Платона, считающегося одним из первых авторов наиболее разумных идей, понятий, истин и полезных рекомендаций по государственному устройству.

Эти идеи основаны на свойственном большинству греческих философов синтетическом восприятии мира как единого целого. У Платона оно трансформируется в представление об универсуме как стройном и соразмерном порядке. Именно к политически оформленному бытию, к **государственности** самым непосредственным образом относится принцип порядка, пронизывающий все: «...людей объединяет общение, дружба, порядочность, воздержанность и высшая справедливость; по этой причине нашу Вселенную называют «космосом», а не «беспорядком» и не «бесчинством»».

В этой связи **государство**, как утверждает Платон, есть не преходящая форма организации общества, а форма, устремленная к идеалу общежития людей, способных жить в мире и совместными усилиями утверждать торжество нравственности, справедливости и духовности. Люди, как известно, появляются на свет непохожими друг на друга, один способнее к одному делу, другой – к другому. Поэтому удобнее и лучше, если каждый будет заниматься только тем делом, к которому он наиболее способен. Отсюда разделение занятий, отсюда же и взаимная нужда друг в друге, предписывающая упорядочить отношения между людьми. Все требуемое будет сделано в большем количестве, легче и

лучше, если каждый будет делать то, к чему больше всего склонен по своей природе, одновременно и не отвлекаясь на другие дела.

Исходя из этого, следуя идеям Платона, каждому человеку – составной части государственного целого – необходимо развивать ту добродетель, которая соответствует его природной склонности и его социальному положению. Природное разнообразие и неравенство индивидов должно слиться в гармоничное единство добродетелей, к которым относятся мудрость, мужество, благоразумие и справедливость, а как это правильно сделать, могут помочь и разъяснить философы. Они способны подчинить низшие добродетели высшей, т.е. мудрости (софии), охватить всю полноту и единство государственных идей, патриотических идеалов и гуманистических ценностей. Разум вносит порядок в человеческие отношения, а закон устанавливает меру поведения.

В нормальном государстве, справедливо полагал Платон, должен существовать только один вид подчинения, основанный на фактическом нравственном и интеллектуальном превосходстве одних над другими. Поэтому нравственное самосовершенствование, накопление знаний и мудрости должно сочетаться в рамках государства в установлении между людьми отношений сотрудничества и взаимопомощи. Не покорение и господство, а просвещение и воспитание, не наказание, а убеждение должны быть рычагами государства, а евридика – облагораживание человеческой души, селекционная работа – подбор и расстановка кадров, и воспитание должны ставиться на высоту политических задач, в центр важнейших государственных функций.

Главное предназначение государства состоит в том, чтобы противостоять разрушительной социальной анархии, дезорганизации, охранять целостность общества от распада на противоборствующие части и группы, борющиеся за власть. Группы, преследующие узкокастовые, групповые, партийные или клановые интересы, а не благо целого, ведут государство к неизбежной катастрофе. С учетом этого высшими государственными интересами являются сохранение единства общества и улучшение людской породы, при этом все лучшее должно подниматься «на элитный верх» общества, а худшее – соответственно опускаться в нижние слои, на социальное «дно», хотя в то же время от рождения всем гражданам должны быть предоставлены равные возможности в достижении высокого политического положения в обществе.

Исходя из этого, а также принимая во внимание, что по наследству невозможно передать ни навыков и качеств, взращенных искусственно, а только природную основу (генетическую составляющую), *положение человека в обществе* должны определять не социальное происхождение, не имущественное состояние, не знатность, связи или деньги, а его врожденные способности, развитые образованием и воспитанием. «Мы установили... – подчеркивает философ, – что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен». Унаследованные «природные данные» у него служат первоэлементом социальной стратификации: «При росте и благоустройстве государства надо предоставить всем сословиям возможность иметь свою долю в общем процветании, соответствующую их природным данным».

Знание обеспечивает прочность государству. Незнание того, в чем заключается благо всех и каждого и что противно разуму и природе, ведет к его гибели. Поэтому просвещение, образование и воспитание суть неперемные предпосылки государственного строительства, а люди науки и культуры (интеллигенция) обязаны (это их предназначение) распространять истинные знания немногих среди многих. В то же время «на верхах» государства должна находиться (быть избранной) подлинная *элита*, истинно знающее и наиболее нравственное меньшинство, «преисполненное подлинной страстью к подлинной философии».

По Платону, людям недостаточно развития экономики, технического прогресса, они должны обладать культурой социального, политического общения, культурой владения государственно-правовыми возможностями и средствами. Они должны следовать нормам этики, которые подсказывает им совесть. Непременный рост духовности и воспитанности

людей, их постоянное нравственное обновление нивелирует негативные последствия функционального разделения труда и экономических противоречий, закладывает тот прочный моральный фундамент, на котором только и может развиваться государственность, основанная на разуме и социальной справедливости. То государство сильнее и совершеннее, в котором совершеннее и распространеннее сотрудничество людей.

Сущность государства, таким образом, по Платону, состоит в прочном социальном объединении и организации взаимодействия и взаимопомощи граждан. «Многие люди, – пишет он, – собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение называется государством». Смысл существования государства не в политическом подавлении большинства меньшинством, не в экономическом и социальном угнетении одних классов другими, не в духовной и интеллектуальной экспансии высших над низшими. Цель государства заключается в обеспечении справедливого общежития, в котором каждый должен делать свое дело, отправлять свою функцию в общественном организме, не присваивая себе чужих прав и не возлагая на другого свои обязанности, ощущая на себе заботу других и предоставляя другим свое умение, отточенное до совершенства.

В любом случае государство есть единое политическое целое, части которого необходимо соединяются разумным пониманием согласия и порядка, и где добро как общее благо должно торжествовать над злом, правда над ложью, здравый смысл, разум над демагогией и заблуждениями, справедливость над произволом. Знания, разум «должны править всем». Если власть «соединяется с разумением и рассудительностью», тогда и «возникают наилучший государственный строй и наилучшие законы». Стабильность государства определяется не только и не столько властью, сколько законом и законностью. Наилучшее средство против возможных угроз государственности, откуда бы они не исходили, – справедливые законы, т.е. мудрые и добродетельные.

Право предоставляет необходимую свободу каждому с учетом индивидуальных различий природного, морального и социального характера, разрешая по справедливости постоянно проявляющиеся между людьми противоречия. По справедливости же право карает за преступление в силу необходимости охраны правопорядка и укрепления законности. Но главная задача права, его важнейшая социальная ценность сводится к тому, чтобы обеспечить распределительную справедливость по принципу – каждому свое по достоинству и от содеянного, без претензий на чужое и без вмешательства в чужие дела.

Философ подчеркивает, что законность есть «повиновение правильным (т.е. именно правовым) законам», что правовой порядок – это не только «единообразие в устройстве всех взаимосотносящихся вещей», но и «соразмерность во взаимоотношениях», рассматривая власть как «опеку закона». Даже когда речь идет о единовластии, он полагает, что: «Царь – неограниченный властитель, но правящий согласно законам». Всем следует усвоить, что «людям необходимо установить законы и жить по законам, иначе они ничем не будут отличаться от самых диких зверей». В законах должны быть предписаны не только детали государственного устройства, но и забота о «браках, соединяющих людей», о рождении детей, воспитании как мужчин, так и женщин «от ранних лет и до зрелых».

Справедливость как принцип права и основа законодательства в итоге «законной» делает «упорядоченность закона, способную творить справедливость». «Установления закона и получили имя законных и справедливых – вот каково происхождение и сущность справедливости». Пресекая возможные злоупотребления, мыслитель предписывает осуществлять власть разумно, только в рамках закона и только государством. «Если у человека величайшая власть соединяется с разумением и рассудительностью, возникает наилучший государственный строй и наилучшие законы – иного не дано».

Поскольку противоположность между богатством и бедностью подрывает общественное согласие, грозит государству междоусобицей и гибелью, необходимо принимать меры против нищеты, ограничивать богатство. Поэтому государство должно быть наделено правом конфисковывать излишки, превышающую установленную законом

меру, борясь не с богатством, но против односторонней ориентации на него, против признания за богатством права везде и во всем творить свою волю.

При назначении начальников необходимо исходить из нравственных, умственных и деловых качеств кандидата, обеспечивая неперемное наличие таких, например, как правдивость. Все граждане должны быть законопослушными, рассудительными и разумными, умерять яростный дух кротостью, зависть – щедростью. Но к лицу государственному, должностному подход должен быть самым строгим: «Кто намерен стать выдающимся человеком, тот должен любить не себя и свои качества, а справедливость, осуществляемую им самим либо кем-то другим».

Предметом особой заботы должен быть тщательный контроль претендента на стойкость к спиртному. Пагубные последствия пьянства для государства, общества, человека слишком очевидны. «Не правда ли, – убеждает Платон, – надо ставить начальником над нетрезвыми человека трезвого, мудрого, а не наоборот. Ведь если над нетрезвыми и будет поставлен пьяный, юный, неразумный начальник, он лишь благодаря очень счастливой случайности не наделает страшных бед». Люди должны заботиться о здоровом потомстве, опасаться угрозы вырождения от алкоголизма и добровольного сумасшествия от других «маний», в изобилии всегда поставляемых «научно-техническим прогрессом».

Весь круг рассматриваемых вопросов должен быть поднят на уровень государственной политики, а надлежащее выполнение важнейшей государственной функции должны контролировать «особо для этого поставленные должностные лица». Они должны следить, «чтобы государство у нас по возможности не увеличивалось и не уменьшалось», т.е. именно за тем, с чем столкнулось человечество в конце XX в., – вымирание людей и демографические взрывы, перенаселенность, необходимость государственного регулирования рождаемости, планирования семьи и т.п. Брачные связи рассматриваются Платоном с позиций укрепления государственности, улучшения человеческого материала, для чего законодательно устанавливается лучший на основе опыта и данных науки возраст для заключения брака, для деторождения, предусматривается возможность развода по ряду оснований, устанавливается торжественная процедура освящения брака, приуроченная к праздникам.

Рассматривая различные детали брачно-семейных отношений, Платон допускает известную свободу выбора при заключении брака, если она не противоречит ни закону, ни воле родителей. А главное, брак становится действительно священным, его чистота охраняется законом, а нарушитель лишается «всех почетных гражданских отличий» как человек, действительно чуждый государству. Платон выдвигает неперменным требованием в семейных отношениях почитание родителей. Он предусматривает самые серьезные наказания тем, кто пренебрегает своим сыновним долгом.

Мыслитель выдвигает совершенно четкие принципы, например своего рода требование неотвратимости наказания – «никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было проступок». Возмездие должно соответствовать тяжести содеянного. Это может быть «денежная пеня», «унизительные места для стояния или сидения», «палочные удары», тюремное заключение и даже смертная казнь. Санкции в любом случае не должны быть несправедливыми, ради одного лишь страдания, – «по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло». Вполне определено Платоном формулируются цели карательной политики. Во-первых, исправление преступника («исправить или образумить его») и предотвращение повторения преступлений; во-вторых, устранение влияния дурного примера на граждан; в-третьих, избавление государства от опасного, вредного члена.

В своем учении о преступлениях и наказаниях Платон предусматривает освобождение от уголовной ответственности (невинная ошибка, проступок по неведению, незнанию, обусловленному затемнением разума), смягчающие и отягчающие обстоятельства (состояние аффекта, чувственного вожделения и т.п.). Достаточно

прогрессивно звучит принцип нераспространимости уголовной репрессии на семью и родственников правонарушителя, так же как и требование демократических основ судопроизводства. В самом деле, «всякое государство перестает быть государством, если суды в нем не устроены надлежащим образом», если правосудие осуществляет безгласный судья, «не высказывающий во время разбирательства более того, что говорят тяжущиеся стороны». Составляя «неотъемлемую часть государственного устройства», суды занимаются деятельностью «властной и назидательной, разъясняющей и карательной».

Философ довольно подробно высказывается о структуре и характере функционирования судебной системы. Так, в гражданских делах он считает самым важным тот суд, который назначили для себя тяжущиеся стороны, выбрав его сообща в качестве суда первой инстанции. Платон считает целесообразным существование двух видов судов – для разбора дел между частными лицами, куда может обратиться каждый человек, посчитавший себя оскорбленным другим лицом. Если же, по мнению любого гражданина, нарушены интересы общества и он высказывает желание «прийти им на помощь», то назначается для этих случаев особый суд.

В уголовном судопроизводстве, по Платону, достаточно одной инстанции. Суд составляется из назначенных по жребию судей из числа выборных должностных лиц, сроком на один год. Вынесению приговора предшествует открытое голосование судей. Однако если «наносится обида государству», то «начало подобного дела (обвинение в государственном преступлении) и окончательное решение по нему предоставляются народу».

По мысли философа, суд стоит прежде всего на страже интересов государства и строгой нравственности, особо строго подходя к рассмотрению преступлений против существующего государственного строя. К числу государственных преступников философ относит тех, «кто проводит своего ставленника на государственную должность, не считаясь с законами», и «заставляет государство подчиняться партиям». Того же, кто «при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом всего государства в целом».

Разрабатывая вопросы карательной политики государства, Платон, вместе с тем, придает суду воспитательное значение. Не только уголовный закон, но и вся социальная структура, само назначение государства должны противостоять разрушительной стихии массового насилия, не допускать крайних противоречий между бедностью и богатством, расслоения общества на враждующие классы, партии-антагонисты. И здесь уже высшая «божественная мудрость» законов должна быть дополнена мудрой социальной политикой государства, поднятой на вершину «царского искусства».

Политика и должна пониматься как «искусство, которое правит всеми прочими и печется как о законах, так и вообще обо всех делах государства, правильно сплетая все воедино». Политика впитывает в себя весь накопленный опыт практики государственного, правового, социально-культурного и нравственно-воспитательного воздействия на людей и межчеловеческие отношения. Она есть проявление социальной культуры, знаний, практического опыта и умения применять их в управлении социальными процессами. Политическая культура должна быть средством, способным противостоять разрушительной стихии массового недовольства, преступности и насилия. Политическая, социальная культура материализуется в государстве и законе, в разумной организации государственной власти посредством закона. Она реализуется в политической деятельности как «высшее мастерство» правления, политическое искусство, отражающее диалектику государственного воздействия на общество и общества на государство.

«Но на каких основаниях одни должны править, а другие подчиняться в больших государствах и малых семьях?» К этим основаниям относятся: во-первых, отцовская и материнская власть, во-вторых, и далее, деление на старших и младших, благородных и неблагородных, свободных и рабов, сильных и слабых, и везде власть должна принадлежать первым из перечисленных, поскольку это «необходимый вид власти, сообразный с

природой всех живых существ». При этом главное требование к власти должно состоять в том: «Чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью». Там, где нет порядка, не царит необходимость, жизнь лишь кажется вольной и блаженной, на самом деле идет к развалу.

Последнее обстоятельство составляет важное условие обуздания той человеческой природы, в которой проявляется господство сильного над слабым, и перехода от «насильственной власти закона» к «добровольному ему подчинению». Вместе с тем оказывается, что, «где всего менее стремятся к власти те, кому предстоит править, там государство управляется лучше всего и распри отсутствуют полностью; совсем иначе бывает в государстве, где правящие настроены противоположным образом». В то же время «если думают, что с изданием законов, как бы хороши они ни были, уже устроено государство, то это совсем неверно в том случае, если во главе государства не стоит влиятельный человек, заботящийся о нем и о его повседневном образе жизни...»

Платон подчеркивает диалектическую сложность взаимосвязи закона и политики. Мудрые законы, выражающие идею общего блага и справедливости, должны гарантировать разумность государственной политики, а политика должна «отличаться упорядоченностью», давать людям «жить мирно, занимаясь собственными делами и не вмешиваясь в чужие». «Политическое правление, – подчеркивает философ, – есть мягкое попечительство», оно не допускает погрешностей, «умно и искусно уделяя всем в государстве самую справедливую долю, умеет оберечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими». Кроме того, политика – это искусство, искусство вполне конкретное в историческом и социальном смысле, а не единое для всех времен и народов, абсолютное и абстрактное. Платон выступает против «однозначного» понимания какого бы то ни было искусства «в отношении всех людей и на все времена», особенно политического искусства.

Вместе с тем гарантией против недоброкачественного правления и ошибок правителей может быть только закон, который «свойствен человеческой природе и способен выражать высшее человеческое благо – справедливость».

Как политически грамотно, разумно и законно принять справедливое решение? Как поступить в конкретной политической ситуации? Предвидя такие трудности, античный философ разрабатывает общие принципы политического поведения. Первым из них, обязательным и для тех, кто правит, и для тех, кем правят, он выдвигает принцип приоритета целого, общественно-государственного, перед частным и личным. Аналогичным образом, не делая отличий между властвующими и подвластными, философ предписывает в качестве другого общеобязательного правила политического поведения всех принцип господства и подчинения. Оба этих качества должны сопутствовать каждому человеку независимо от его положения в обществе и государстве. «Каждый человек должен мыслить обо всех без исключения людях так: не может стать достойным похвалы господином тот, кто не был раньше подвластным; поэтому более, чем умением хорошо властвовать, должно хвалиться умением хорошо подчиняться», – указывает мыслитель. И прежде всего следует располагать «умением подчиняться законам, что будет означать подчинение богам; затем – умением юношей подчиняться старшим, честно прожившим всю свою жизнь».

Разумеется, принципы политического поведения должны в первую голову занимать тех, кто правит. В наиболее общем виде эти требования формулируются следующим образом: во-первых, не имеет значения, «правят ли эти люди согласно нашей доброй воле или против нее, согласно установлениям или без них, богаты они или бедны, они правят в соответствии с неким искусством правления»; во-вторых, они должны быть «истинно знающими», в-третьих, быть в состоянии управлять добродетельно и со знанием дела, «справедливо и честно уделяя каждому свое», а не бесчестить, убивать и причинять зло любому, кому он вздумает.

Политическое искусство у Платона структурировано, иерархично, полифонично. Как высшее из всех искусств, известных на Земле, оно необходимо включает в себя все его виды.

Ни одно из входящих в политическое искусство знаний, умений, навыков не может претендовать на первую роль в политическом управлении. И только последнему «ведомо начало и развитие важнейших дел в государстве, благоприятные и неблагоприятные для них времена». И все же среди прочих есть сферы и направления деятельности, наиболее близкие государственному управлению. Это судебное, ораторское, военное искусства. Судебное искусство есть осуществление судебной власти, «хранительницы законов и служанки царской силы». Собственная ее добродетель в том, что судья не склоняется к нарушению распоряжений законодателя при разборе взаимных обвинений тяжущихся сторон.

К самым распространенным формам политического режима относятся демократия, тирания и олигархия. Демократия – это власть народа, т.е. тех, кто «трудится своими руками, чужды делячества, да и имущества у них немного». Именно они «всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе», но, правда, у них нет желания делать это часто, особенно если «им не достается их доля меда». Тем не менее демократия возможна в том случае, если «бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей». Власть же при полном «демократическом строе» должна происходить «большой частью по жребию», т.е. в форме наиболее полного политического равенства, «уравнивающего равных и неравных».

Однако здесь вступает в дело диалектика, в соответствии с законами которой все чрезмерное обычно вызывает изменения в противоположную сторону. И наблюдается это не только в природных явлениях, но и в политических режимах. Демократия несет в себе зародыши поражения, поскольку в «демократических людях» остается весьма пагубное наследие от олигархического строя, в котором власть имущих порождает у бедных соблазн, отстранив их, самим стать имущими. Демократия – строй «приятный и разнообразный», но «не имеющий должного управления». Кроме того, к руководству может прийти политический лидер без должных на то оснований. Демократия несколько не озабочена тем, «кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе». Но еще опаснее то, что из состояния «крайней свободы», «своеволия», «своеобразного равенства» демократия склонна перерождаться в куда более жесткие режимы, в частности в тиранию.

Доказано, что «тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство». Цель, преследуемая тиранией, – захватить власть, удерживать ее, пользоваться ею. Тирания не нуждается в выдающихся политических фигурах. При всем том, что тирания апеллирует к бедным, она крайне расточительна. Стремясь удовлетворить потребностям правящей верхушки, она «в битве с бережливым началом... одержит верх» и с бесчестием, как изгнанницу, вытолкнет вон стыдливость, обзавав ее глупостью, а рассудительность назовет недостатком мужества и выбросит ее, закидав грязью. Тиран, подчеркивает Платон, появляется вначале «как ставленник народа». Чуть достигнув власти, он требует, чтобы народ назначил ему телохранителей. Добившись же того, чтобы иметь в руках чрезвычайно послушную толпу, «разве он воздержится от крови своих соплеменников?» Он станет избавляться от тех, «кто мужествен, кто великодушен, кто разумен, кто богат», и, «как это обычно бывает, привлекать их к суду по несправедливым обвинениям, и осквернит себя, отнимая у людей жизнь». Тиранический политический режим, по Платону, есть явление социальное, ибо он происходит из разных причин, среди которых философ перечисляет и многочисленность последователей, и безрассудство народа, и психологическую предрасположенность. Тиран тот, «кто сам в себе, то есть в своей душе, носит самого великого и отъявленного тирана».

Власть делает тирана завистливым, вероломным, несправедливым, недружелюбным и нечестивым. Поддерживая и питая всяческое зло, «он будет чрезвычайно несчастен и такими же сделает своих близких». Коварно уничтожив своих врагов, он будет «постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе». «На

колеснице своего государства» он уже будет стоять не как «представитель народа, а как совершенный тиран». С учетом сказанного понятно, почему Платон тиранический политический режим расценивает как «крайнее заболевание государства».

Еще один вид извращенного государственного устройства – это олигархия, «преисполненная множеством зол». Она держится «исключительно на военной силе» или же была прежде установлена «путем запугивания». Здесь царит имущественный ценз, у власти стоят богатые, а бедняки не участвуют в правлении. Очевидно, «раз в государстве почитают богатство и богачей, значит, там меньше ценятся добродетель и ее обладатели». Порочность такого политического режима совершенно ясна. Во-первых, развивается склонность к стяжательству и наживе, богачами восхищаются, их назначают на государственные должности, а бедняки там не в почете; во-вторых, богатство не допускает способных, но бедных людей к управлению государством; в-третьих, это государство расколото на бедняков и богачей; в-четвертых, оборона такого государства затруднена, ибо надо «давать оружие в руки толпы», и т.д. Не случайно олигархия, находясь в состоянии неустойчивого равновесия, от малейшего толчка приходит в полное расстройство. Такое государство «заболевает и воюет само с собою по малейшему поводу». Оно прекращает свое существование и перерастает в другие политические формы, в частности в демократию.

Таким образом, политика у Платона есть диалектический синтез общечеловеческих интересов и ценностей с ценностями и интересами национальными. Он одним из первых обосновал необходимость выдвижения этических категорий на важнейшие позиции в шкале политических ценностей. Разрабатывая гуманистические основы политики, он ищет возможности торжества добра как общей идеи блага над злом, над ложью, здравого смысла над демагогией и заблуждениями, справедливости над произволом. В этом, очевидно, кроется объяснение того, что многие положения Платона обрели силу общечеловеческих ценностей, пустили прочные корни в сознании людей, где бы и когда бы они ни жили. Но одновременно у него слышны, и вполне явственно, патриотические мотивы, он желает мира и процветания родным Афинам, Великой Элладе, стоящей маяком цивилизации среди варварского моря. Он с болью пишет о тиране, который может поднять руку на родных отца и мать, также поступить и со всей родиной...

Поэтому гражданам должна быть «присуща любовь к своему государству, испытанная в радости и в горе, и должно быть заметно, что от этого своего правила они не откажутся ни при каких трудностях, опасностях или иных превратностях. Кто здесь окажется слаб, того придется отвергнуть, но тот, кто чистым выйдет из этого испытания, словно золото из огня, того надо поставить правителем, оказывать ему особые почести и присуждать награды как при жизни, так и после кончины». Столь длинная цитата приведена, чтобы показать, что человек, написавший эти строки, исповедовал любовь к «милой родине» вполне искренне и серьезно.

Наконец, политика у Платона диалектически синтезирует его теорию идей и учение об общечеловеческой культуре. В теории идей находит свое выражение идеальная устремленность «нашей души ввысь», к непостижимой до конца божественной идее, которая означает историческое приближение к достижению всеобщего блага и торжества справедливости на Земле. В отношении Платона к культуре проявляется его уверенность в том, что активная познавательная и преобразующая природу деятельность людей продуктивна при условии их целесообразного взаимодействия и взаимопомощи в рамках справедливого общества, организованного наилучшим способом в государство, при условии развития всех государственно-правовых и политических процессов на прочном основании достигнутой человечеством культуры и знаний, на высоких гуманистических идеалах и общечеловеческих ценностях, используемых не как затертые клише политического лексикона, а являющих необходимую связь с реальной политической жизнью.

В этом случае удастся избежать появления индивидуального, группового, партийного – в разных смыслах – эгоизма. Пробивающиеся наверх частные интересы не должны задавать тон в политике, деформируя и девальвируя культурные, национальные и

общечеловеческие основы государственного бытия. В этой связи становятся особо ценными советы «мудрейшего из греков», прямо указывавшего, что социальная политика государства только тогда может претендовать на звание просвещенного «царского искусства» и соответствовать «божественной мудрости» законов, когда не допускаются крайние противоречия между бедностью и богатством, расслоение общества на враждующие классы, группы.

Главное назначение государства, права, политического искусства, всей социальной культуры, по завещанию Платона, – противостоять как бездуховной апатии и стихийному вандализму невежественных (недовоспитанных, недообразованных) масс, так и бездушию и ожесточению неверно выбранных правителей, стоящих у власти, которым чужд разум и добродетель.

Ученик Платона – Аристотель продолжил поиски истин в государственном устройстве. Как и его учитель, Аристотель полагал, что в силу присущего ему социального инстинкта человек нуждается в обществе не только и не столько для сохранения физической жизни, но и для нравственного прогресса. «Человек по природе своей есть существо политическое, в силу чего даже люди, которые несколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству.» Отсюда государство – высшая форма человеческого общежития – имеет педагогическое предназначение: задача его, наряду с внешней охраной, воспитать граждан в духе добродетели, дать им необходимые для жизни знания.

«Государство не есть общность местожительства, - утверждает Аристотель, - оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех вместе взятых еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни в целях совершенного и самодовлеющего существования. Все это основано на взаимной дружбе, потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни.»

В государственном устройстве Аристотель отдает предпочтение *аристократии* (власть немногих лучших для общего блага), либо *политии* (власти многих лучших для общего блага), которые, если рассматривать их функциональные качества, мало чем отличаются от идеалов Платона, поскольку также подразумевают господство лучших по уму и нравственному достоинству людей. В принципе все граждане имеют право на участие в государственном управлении, но допускаются к нему, по достижении зрелого возраста, только получившие соответствующее воспитание и образование.

Государство есть совокупность граждан, а государственное устройство есть известная организация обитателей государства, т.е. это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти, которая повсюду связана с порядком государственного управления, а последний и есть государственное устройство.

Только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу согласно со строгой справедливостью, являются правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой противоестественные отклонения от правильных. Отклонения бывают следующими: от *монархии* (власти одного просвещенного) – *тирания*, от *аристократии* (власти немногих добродетельных) – *олигархия*, от *политии* (власти большинства, просвещенного и добродетельного) – *демократия*. *Тирания* – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; *олигархия* блюдет выгоды только состоятельных граждан; *демократия* – лишь выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет.

Философ рисует историческую картину диалектики государственного строительства: «Если правление нескольких людей, всех одинаково хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица – царской властью, то аристократия оказалась бы для государства предпочтительнее царской власти, все равно, будет ли власть опираться на

вооруженную силу или же обойдется без нее, лишь бы только оказалось возможным привлечь к правлению нескольких подобных людей. Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами, тем более что тогда вообще государства были малонаселенными. Кроме того, царей ставили из-за оказанных ими благодеяний, а их оказывали хорошие мужи. А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыскивать какой-нибудь общий вид правления и установили *политию*. Когда же, поддаваясь нравственной порче, они стали обогащаться за счет общественного достояния, из *политии* естественным путем получались *олигархии*, ведь люди стали почитать богатство. Из *олигархий* же сначала возникли *тирании*, а затем из *тираний* – *демократии*: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них и установила *демократию*. А так как государства увеличились, то, пожалуй, теперь уже нелегко возникнуть другому государственному устройству помимо *демократии*».

Резюмируя свое описание особенностей государственного строительства, Аристотель пишет: «Из трех видов государственного устройства, какие мы признаем правильными, наилучшим, конечно, является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших. Это будет иметь место в том случае, когда либо кто-нибудь один из общей массы, либо целый род, либо вся народная масса будет иметь превосходство в добродетели, когда притом одни будут в состоянии повелевать, другие – подчиняться ради наиболее желательного существования. В наилучшем государстве добродетель мужа (деятеля, руководителя, властителя) и добродетель гражданина должны быть тождественны. Отсюда ясно, что таким же точно образом и при помощи тех же самых средств, которые способствуют развитию дельного человека, можно было бы сделать таковым и государство. Почти одно и то же воспитание, одни и те же навыки служат к усовершенствованию государственного мужа (деятеля) или царя».

Вполне естественно, отмечает философ, что всем хотелось бы ввести такой государственный строй, который при данных обстоятельствах оказался бы наиболее приемлемым и удачным. Поэтому государственные деятели должны уметь помочь усовершенствованию существующего государственного строя, но это невозможно, если им неизвестны, какие виды государственного строя существуют в принципе. Их всего, как уже говорилось, три *правильных*, которые развивались исторически в следующей последовательности: *царская власть* (когда по своим выдающимся качествам наиболее выделяется один из многих), *аристократия* (когда с превосходными качествами имеется некое меньшинство) и *полития* (когда высшие благородные качества присущи большинству).

Соответствующие указанным естественным состояниям государственного устройства имеют место и неестественные *отклонения*: *тирания* (от царской власти) – наиболее очевидное и древнее отклонение, сопутствуемое невежеством народных масс, позволяющих себя угнетать; *олигархия* (от аристократии) – отклонение, близкое к тирании, допустимое при относительном невежестве или отупении народа, почитающего богатство; *демократия* (от политии) – наиболее умеренное отклонение, характерное для малопросвещенного народа, когда несовершенные системы воспитания и образования не в силах наделить его разумом.

В реально существующих государствах можно наблюдать в большей части случаев два вида государственного устройства, представляющих собой неестественные отклонения, – один из видов *олигархии* или *демократии*, или их усредненную комбинацию. В обоих случаях мерилom служит имущественный достаток, высокий в первом случае и низкий – во втором, что и объединяет эти два вида государственности в одну группу. Исходя из того, что в каждом государстве население делится на три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими, а, по общепринятому

мнению, умеренность и середина – лучшее из всего, то очевидно, что и средний достаток из всех благ более предпочтителен, поскольку при наличии его легче всего повиноваться доводам разума.

Напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред.

Далее, люди первого типа, имея избыток благополучия, силы, богатства, дружеских связей и тому подобное, не желают, да и не умеют подчиняться. И это наблюдается уже дома, с детского возраста: избалованные роскошью, в которой они живут, они не обнаруживают привычки повиноваться даже в школах. Поведение людей второго типа из-за их крайней необеспеченности чрезвычайно униженное. Таким образом, одни не способны властвовать и умеют подчиняться только той власти, которая проявляется у господ над рабами; другие же не способны подчиняться никакой власти, а властвовать умеют только так, как властвуют господа над рабами.

Получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие – презрения. А такого рода чувства очень далеки от чувства дружбы в политическом общении, которое должно заключать в себе дружественное начало. Упомянутые же нами люди не желают даже идти по одной дороге со своими противниками.

Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним. Таким образом, если исходить из естественного, по нашему утверждению, состава государства, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Эти граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и невредимыми. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому как бедняки стремятся к имуществу богатых. И так как никто на них и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности. Поэтому наиболее разумное пожелание является таким: «У средних множество благ, в государстве желаю быть средним».

Итак, ясно, что наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они, в лучшем случае, сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распушенной демократии, так и из олигархии, значительно реже – из средних видов государственного строя и тех, что сродни им.

Таким образом, очевидно, что средний вид государственного строя наилучший, ибо только он не ведет к внутренним распрям; там, где средние граждане многочисленны, всего реже бывают среди граждан группировки и раздоры. И крупные государства по той же самой причине – именно потому, что в них многочисленны средние граждане, – менее подвержены распрям; в небольших же государствах население легче разделяется на две стороны, между которыми не остается места для средних, и почти все становятся там либо бедняками, либо богачами. Демократии, в свою очередь, пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в

них средних граждан (их больше, и они более причастны к почетным правам в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели.

Теперь ясно и то, почему в большинстве случаев государственный строй бывает либо демократическим, либо олигархическим. Вследствие того что средние занимают в государствах зачастую незначительное место, те из двух, которые их превосходят, – либо крупные собственники, либо простой народ, – отдалившись от среднего состояния, перетягивают государственный порядок на свою сторону, так что получается либо *демократия*, либо *олигархия*.

Вместе с тем в государственном строе помимо имущества (богатства) есть еще одно важное мерило – добродетель (разум). Именно его наличие отличает два правильных вида государственного устройства – *аристократию* и *полицию*, или их усредненную (промежуточную) комбинацию. Однако если имущество (богатство) можно измерить и установить тот или иной имущественный ценз, то мерила добродетели (разума) на практике нет и его необходимо еще установить. По этой причине история знает мало примеров государственных устройств, основанных на принципах аристократии и политики.

В любом случае, по мнению Аристотеля, лучшим видом государственного устройства всегда будет то, которое будет приближаться к совершеннейшему (эталонному, т.е. аристократическо-политийный симбиоз), а худшим – то, которое будет более удаляться от среднего.

Но самое важное из всех способствующих сохранению государственного строя средств, которым ныне все пренебрегают, – это воспитание в духе соответствующего государственного строя. Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно, если законы государства демократические – в духе демократии, если олигархические – в духе олигархии, если аристократические или политийные – то в соответствующем духе. Главное – граждане должны их знать и им подчиняться, ведь если недисциплинирован один, недисциплинированно и все государство.

В демократиях, по крайней мере в тех, которые признаются по преимуществу демократиями, установились порядки, противоположные тому, что для демократий полезно. Причина этого в том, считает философ, что там плохо понимают, что такое **свобода**. В самом деле, демократия обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой. Справедливость, как им представляется, совпадает с равенством; равенство же понимается в том смысле, что решения народной массы должны иметь силу; свобода же толкуется как возможность делать всякому что угодно. Вот и живет в такого рода демократиях каждый по своему желанию или «по влечению своего сердца». Но это плохо: ведь следует считать жизнь, согласующуюся с государственным строем, не рабством, но спасением.

Едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатели должны отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб. Ведь воспитание должно соответствовать каждому государственному строю; свойственный каждому государственному строю характер обыкновенно служит и сохранению строя и с самого начала – его установлению, как, например, демократический характер – демократии, олигархический – олигархии; и всегда лучший характер обеспечивает лучший вид строя для данного населения.

Далее, все способности и искусства требуют для применения их к соответствующей им работе предварительного воспитания и предварительного приучивания. Очевидно, пишет Аристотель, все это необходимо и для деятельности в духе добродетели. А так как государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то ясно, что для всех нужно

единое и одинаковое воспитание, и забота об этом воспитании должна быть общим, а не частным делом, как теперь, когда всякий печется о своих детях частным образом и учит частным путем тому, что ему вздумается. Что имеет общий интерес, этим следует и заниматься совместно. Не следует, кроме того, думать, будто каждый гражданин сам по себе; нет, все граждане принадлежат государству, потому что каждый из них является частицей государства. И забота о каждой частице, естественно, должна иметь в виду попечение о целом.

Так или иначе, но в нормальном государстве должны существовать законы, касающиеся воспитания, и последнее должно быть общим. Нельзя оставить невыясненным, что вообще представляет собой воспитание и как оно должно осуществляться. В настоящее время существует разногласие по поводу практики воспитания: не все согласны в том, чему должны учиться молодые люди и в целях развития в них добродетели, и ради достижения наилучшей жизни; не выяснена также и цель воспитания – развитие ли умственных способностей или нравственных качеств.

Из-за характера обычного воспитания и обсуждение воспитания является беспорядочным, и остается совершенно невыясненным, нужно ли упражнять в том, что пригодно в практической жизни, или в том, что направлено к добродетели, или, наконец, в том, что относится к отвлеченному знанию. Каждый из приведенных взглядов имеет своих защитников. Не пришли также ни к какому соглашению и насчет того, что же ведет к добродетели. Так как далеко не все ценят одну и ту же добродетель, то, естественно, расходятся и по вопросу об упражнении в ней.

Таковы вкратце воззрения Аристотеля на проблемы государственности. Здесь уместно будет отметить, что и И. Кант также считал главным средством преодоления войны и противоречий между государствами длительную работу просвещения, воспитания, нравственного совершенствования каждого человека. Что же касается экономических, политических условий, необходимых для установления вечного мира между народами, то Кант относит их к разряду эмпирических и второстепенных обстоятельств, рассмотрение которых не входит в задачу философского исследования, хотя и не исключается им.

Итак, для Аристотеля, а вместе с ним и для нас ясно, что наилучшим государственным строем, говоря его словами, должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо. Но даже те, которые согласны в том, что всего более предпочтительна жизнь, согласная с требованиями добродетели, спорят, чему отдать предпочтение: политической ли и практически деятельной (*politikos kai praktikos*) жизни или такой жизни, которая свободна от всякой внешней деятельности, например той *созерцательной жизни*, какую некоторые только и считают достойной **философа**. Легко видеть, что люди, всего выше ставящие достоинство и честь, почти всегда избирают один из этих двух образов жизни – практически деятельный и философский; так было раньше, так обстоит дело и теперь.

Другой великий философ Поль Гольбах, анализируя особенности становления и развития гражданского общества, во многом продолжил логику рассуждений Платона и Аристотеля. Он, в частности, отмечал: «Первый закон всякого общества предписывает всем людям помогать друг другу, наслаждаться жизнью и быть полезными друг для друга. Этот закон требует, чтобы счастье каждого человека было не чем иным, как наградой за счастье, которое он доставляет другим членам общества. Этот закон указывает, что существа, различные, неравные по своим силам и способностям, имеют одни и те же потребности. Этот закон напоминает, что в людях заложено одинаковое стремление к счастливой жизни, или, иначе говоря, что все свидетельствует об их влечении к хорошему и отвращении к дурному. Таковы простейшие законы, относящиеся ко всякому обществу. Суждение, размышление, опыт – одним словом, разум применяет эти законы к частным обстоятельствам и условиям жизни различных объединений, а также к отдельным людям, входящим в эти объединения.

Каковы бы ни были заблуждения людей, как бы ни были они ослеплены предрассудками, как бы диковинны ни были их учреждения и развращены их нравы, – разум всегда подскажет им, что каждый из них имеет обязанности по отношению к другим, что это обоюдные обязанности одинаковых по своей природе существ, объединенных общими интересами и потребностями. Таким образом, каждый из них не только ощутит в своем сердце возмущение против людей, наносящих обществу вред, но и упрекнет себя за действия, которыми лично препятствовал достижению целей объединения.

Пока люди останутся существами, способными чувствовать, пока они не перестанут любить свое благополучие и бояться страданий, – горячая любовь, уважение, благодарность будут наградой добродетели, а ненависть, презрение, позор и наказание будут следовать за преступлениями и пороками. Могущественный и сильный человек будет считать своим долгом защищать слабого, богатый – прийти на помощь бедному, просвещенный – указать путь непросвещенному, рассудительный и разумный – помочь своими знаниями и советами тому, кого страсти совратили с истинного пути. В результате такого справедливого распределения помощи одних людей другим будет достигнуто счастье общества.

Таким образом, люди объединяются ради удовлетворения своих интересов. Общество имеет только одну цель – дать людям возможность полнее использовать дары природы и усовершенствовать свои физические и духовные способности. Этим определяются взаимоотношения между обществом и его членами. Из этих необходимых отношений вытекают взаимные обязанности, т.е. обязанности, которые связывают людей, объединившихся в общество. Если части чем-то обязаны целому, то и целое чем-то обязано своим частям.

Поэтому общество обязано обеспечить гражданину благосостояние; помочь ему воспользоваться всем, на что он имеет право, в той мере, в какой это совместимо с общественными интересами; и, наконец, гарантировать ему безопасность, без которой любые блага стали бы бесполезными. Если бы человек ничего не выигрывал, живя в обществе, он расстался бы с ним; если бы человек терял что-либо, живя в обществе, он не замедлил бы покинуть его и питал бы к нему отвращение.

Из сказанного видно, что человек заинтересован в том, чтобы жить в обществе, лишь потому, что общество дает ему возможность пользоваться благами, к которым он стремится по своей природе. Чем вернее обеспечивает общество своим членам такие блага, тем совершеннее оно, тем дороже и необходимее человеку. Любовь человека к другим членам общества является по существу любовью к самому себе; помогая другим, он тем самым помогает себе; принося им жертвы, он приносит их ради собственного счастья. Словом, понимание собственных интересов, разумная любовь к себе – основа общественных добродетелей; это действительный мотив всего, что человек делает для себе подобных. Добродетельно лишь то, что полезно людям, объединившимся в общество. Быть добродетельным – значит любить общество и способствовать счастью тех, с кем нас связала судьба, чтобы возбудить в них желание способствовать нашему собственному благополучию.

Если общество или те, кто руководит его деятельностью, вместо того чтобы обеспечить всем гражданам возможность использовать свои природные способности, стремятся лишить их этой возможности; если правители принуждают граждан к бесполезным, мучительным и напрасным жертвам; если они ставят препоны работе граждан или их предприимчивости и не дают им ни счастья, ни безопасности, – тогда человек перестает видеть в объединении какие-либо преимущества и либо покидает общество, либо остается в нем, не испытывая к нему прежней привязанности. Человек не может любить общество, если оно не создает условий для его счастья; если общество лишает человека всех благ, стремление к которым обусловлено его природой, или отказывает ему в том, что необходимо для самосохранения, он кончит тем, что проникнется к нему ненавистью, покинет его или даже будет ему вредить.

Когда люди, которые управляют народом, проявляют несправедливость или небрежность при выполнении своих обязанностей, они ослабляют или даже рвут узы общественного союза. Тогда человек отделяется от общества и становится его врагом; он ищет счастья с помощью средств, которые наносят вред другим гражданам; из того факта, что общество ничего не делает для него, мешает ему или причиняет только зло, он заключает, что ничем не обязан обществу.

По мере того как все большее количество образующих общество индивидов отделяет свои личные интересы от общественных, узы, связывающие объединение, слабеют и разрушаются. И тогда каждый гражданин становится преступным и порочным. Его действия не направляются больше ничем, кроме слепого личного интереса. Его поступками руководит лишь эгоизм. Он оказывается во власти необузданных фантазий, он опьянен страстями, он нарушает законы, как только узнает, что их можно нарушать безнаказанно. В плохо управляемом обществе почти все его члены становятся врагами друг друга. Каждый живет только для себя и очень мало заботится о ближних; каждый руководствуется лишь своими страстями, помышляет только о личной выгоде, не имеющей ничего общего с общественным интересом. Именно тогда *человек для человека становится волком*, и тот, кто является членом такого общества, подчас несчастнее дикаря, живущего в глубине лесов.

Эти принципы дадут нам возможность понять истинные основания, на которых должны зиждиться любовь к родине и все добродетели, составляющие подлинную опору любого политического строя; они послужат нам для того, чтобы указать на источники опасного безразличия, обычно овладевающего большинством граждан плохо управляемых наций; они заставят нас почувствовать, насколько неизбежно влияние правительства на нравы граждан.

Если необходимость удовлетворять свои потребности заставляет людей жить, объединившись в общество, то та же самая необходимость является и средством сохранения их объединения. Именно необходимость удовлетворять свои потребности налагает на человека определенные обязанности и настоятельно требует от него их выполнения. Обязанности людей являются для них лишь средством, необходимым для того, чтобы в конце концов осуществлять намечаемые ими цели. Жизненный опыт, формируя наш разум и делая нас рассудительными, позволяет нам найти эти средства и заставляет нас чувствовать их необходимость; он же указывает нам способы их применения. Итак, именно разум дает человеческому роду законы, которые называют *естественными*, поскольку они определяются нашей природой, вытекают из нашей сущности, из любви, которая привязывает нас к жизни, из нашего стремления сохранить ее, из непреодолимого влечения, которое мы испытываем ко всему полезному и приятному для нас, а также из нашего отвращения ко всему, что нам неприятно или вредно.

Для того чтобы возложить на нас обязанности и предписать нам законы, которые бы мы выполняли, несомненно, необходима власть, имеющая право приказывать нам. Можно ли оспаривать необходимость этого права? Можно ли оспаривать права природы, которая подобно верховному властелину повелевает всеми, кто живет и существует? У человека есть обязанности именно потому, что он человек, иными словами, потому, что он наделен чувствительностью, потому, что он любит **хорошее** и избегает **дурного**, потому, что он принужден любить первое и ненавидеть второе, потому, что он должен найти необходимые пути и средства к тому, чтобы получать удовольствия и избегать страданий.

Таким образом, обязанности человека вытекают из его природы. Природа, создав человека чувствующим существом, наделила его чувством общности. Создав его способным к восприятию опыта и доводов рассудка, она возложила на него обязанности по отношению к существам того же вида. Она же определила награду за соблюдение своих законов и строгое наказание за их нарушение: счастье, изобилие, спокойствие общества и каждого из его членов – такова неперемнная награда за подчинение этим законам; несчастья, распри, порочность, преступность, разрушения и гибель – таковы ужасные кары, следующие за отказом от такого подчинения.

Пусть не говорят, что эти законы не были кем-то сформулированы и обнародованы. Естественные законы просты, ясны и понятны всем обитателям Земли. Всякий, кто, заставив умолкнуть свои страсти, углубится в себя и постарается понять, чем он обязан себе подобным, найдет, что все индивиды, составляющие род человеческий, получили от природы одинаковые права, одинаковые желания и потребности, равно как и отвращение к одним и тем же предметам. Он неизбежно придет к заключению, что все, желаемое им для себя, является мериллом того, что он должен делать для других; эта истина неизгладимо начертана в сердцах всех смертных.

Опыт показывает, что доброжелательность, уважение, признательность и слава сопутствуют людям, которые согласуют свои действия с законами человеческой природы; и напротив, ненависть, презрение, позор, унижение угрожают тем, кто нарушает свой долг. Этот опыт свидетельствует, что люди оказываются вознагражденными или наказанными внутри своей души, не выходя за ее пределы. Мгновенно возникающее в человеке чувство предупреждает его, хорош или плох его поступок, заслуживает ли он любви или ненависти других существ. Сообразно с этим он либо доволен собой, либо предстает перед судом собственной совести; совесть же человека есть не что иное, как приобретаемое им вместе с жизненным опытом умение понимать, производит ли его поведение на тех, кто испытывает на себе воздействие последнего, благоприятное впечатление или, напротив, вызывает в них чувство неприязни.

Когда человек уверен в том, что поступает хорошо, его совесть доставляет ему только приятные чувства, которые обычно называют *самоуважением, довольством собой, внутренней удовлетворенностью, гордостью за свои поступки*; напротив, когда человек не выполнил своих обязанностей, нарушил свой долг общественного существа, он испытывает тревожные и невыносимые чувства отвращения, презрения к себе, стыда, страха, беспокойства, угрызений совести. Его встревоженное воображение, его докучливая память непрестанно воскрешают перед ним образы возмущенных и негодующих сограждан. Эти столь различные между собой состояния можно рассматривать как подтверждение естественных законов: человек немедленно оказывается вознагражденным за хорошие поступки или наказанным за дурные.

Могут спросить, почему законы, предписываемые природой и раскрытые разумом, законы, которые человек обнаруживает в глубине своего собственного сердца, соблюдаются так плохо? Как происходит, что естественные законы непрестанно нарушаются подчиненными им существами, чьи желания, интересы и потребности одинаковы и чье счастье неотделимо от повиновения этим законам?

Я отвечаю, что невежество, заблуждения и ложь являются истинными источниками бедствий, от которых страдают человеческие общества. Люди плохи только потому, что им неизвестны их собственные интересы, истинная цель их объединения в общество, реальные преимущества, какие они могут от этого получить; они не знают, в чем очарование добродетели, а часто даже в чем состоит эта добродетель. Неведение людей и их испорченность увековечиваются тем, что их обманывают как относительно подлинного счастья, так и относительно средств его достижения. Их вводят в заблуждение и по поводу их собственной природы, которую стремятся побороть вступившие с этой целью в заговор иступление и клевета; тирания стремится заглушить внутренний голос этой природы. Людей обманывают, запрещая им обращаться за советом к опыту и разуму и развивать свои способности к познанию, им подсовывают вместо этого призраки, сказки, грезы и поповские вымыслы. Людей обманывают, обращая их взоры не на них самих и не на общество, а на химеры, в зависимость от которых ставят человеческое благополучие. Их обманывают, всячески опьяняя и затуманивая их сознание с помощью разного рода заблуждений, ложных мнений, предрассудков, страстей, постоянно втравливающих людей в столкновения друг с другом и заставляющих их думать, что, только совершая дурные поступки, можно добиться счастья.

Нет, не природа делает людей суетными, злыми и развращенными; только из-за незнания природы человека, восприимчивого, разумного и стремящегося жить в обществе, из-за недостаточного стремления понять эту природу так редки на земле счастье и добродетель. Вследствие фатального и неизбежного незнания людьми того, что составляет их действительные интересы, они беспрестанно ошибаются как в своих разнообразных пристрастиях, так и в выборе путей, которые могли бы привести их к благополучию.

Природа наделила людей такими же различиями, какие мы наблюдаем среди других созданных ею существ. Люди значительно отличаются друг от друга по своим физическим и духовным силам, страстям и идеям, представлениям о благосостоянии и средствам, избираемым ими для достижения этого благосостояния. Таков источник неравенства между людьми. Это неравенство не только не вредит обществу, но и способствует сохранению и поддержанию его существования.

Неравенство людей и различия, существующие между ними, являются причиной того, что, будучи в основном сходны между собой, они почти ни в чем не согласны друг с другом, и каждый из них по-своему стремится к тому, что представляется ему полезным для собственного счастья. Это порождает ту самую деятельность, посредством которой каждый человек стремится скрыть свое несовершенство, слабость или отставание, прилагая все силы к тому, чтобы достигнуть преимуществ и успехов, которых, как ему кажется, достигли другие.

Итак, оставим в стороне предположения о мнимом равенстве, которое будто бы с самого начала существовало между людьми. Люди никогда не были равными. Не будем же произносить напыщенных речей против этого неравенства, которое всегда было неизбежным. Особенности телосложения, различные степени физической силы, ловкости и проворства должны были обусловить значительные различия и весьма заметное неравенство между индивидами, которые являлись членами одного общества, или, если хотите, членами первой семьи. Это неравенство людей еще больше бросается в глаза, когда речь заходит о человеческих способностях, называемых *духовными*, или *интеллектуальными*, т.е. об энергии и силе страстей человека, о его суждениях, настойчивости и проницательности, о его уме. Человек слабый физически или умственно всегда был вынужден признавать превосходство более сильного, одаренного, предприимчивого и искусного, более развитого духовно. Таким образом, люди с самого начала были неравны как по их личным качествам, так и по размерам их имущества и владений.

Но если отдельный человек мог быть сильнее некоторых других, то не было и не может быть человека сильнее всех других людей, вместе взятых. Самый крепкий телом и духом, самый отважный и опытный человек неизбежно пользуется авторитетом и властью над теми, кто слабее его, кто более робок и невежествен, чем он. Влияние этого человека отвечает потребности остальных в силе, смелости и знаниях. Таково происхождение всякой *власти*. Сама по себе она основана на способности делать людям добро, защищать их, руководить ими, доставлять им счастье. Таким образом, власть опирается на природу людей, на их неравенство, на их неодинаковые способности и недостатки, на их потребности и стремление удовлетворить эти потребности – короче говоря, на их любовь к самим себе. Более искусный человек находит для самосохранения и удовлетворения своих потребностей такие средства, которых не находит человек хотя и более сильный физически, но менее умный и находчивый. Наконец, просвещенный человек умеет компенсировать сноровкой и знаниями свою недостаточную физическую выносливость.

Общество может согласиться с неравенством, которое устанавливается между его членами, только ради собственного блага; испытывая любовь к обладателям качеств, достойных презрения и ненависти, и оказывая им уважение, общество становится неразумной жертвой обмана, привычки, невежества и ограниченности своего миропонимания.

Установив это, посмотрим, в чем состоят обязанности, преимущества и права разных классов граждан, на которые обыкновенно разделена нация. Поскольку приносимая

обществу польза является законным основанием общественного положения граждан, а также источником званий и почестей, которыми жалуют некоторых подданных, выделяя их перед другими, взвесим выгоды и преимущества, которые доставляют государству те, кто пользуется таким почетом; сравним размеры получаемых обществом от различных людей благ, и мы никогда не ошибемся в суждении, которое должны будем вынести об этих людях.

Природа создала людей равными по правам и желаниям, по любви к счастью и независимости, но неравными по способностям и по обеспеченности средствами удовлетворения желаний. Люди могут заставить себя благоразумно поступиться личными склонностями, в чем-то уступить себе подобным только ради преимуществ, которые будут обеспечены благодаря этому для них самих. Таким образом, почитаемый кем-то гражданин берет на себя обязательства по отношению к тем, кто его почитает; последние не могут питать к нему должных чувств, если он со своей стороны не выполнит своих обязательств. Было бы злоупотреблением оказывать уважение бесполезному человеку или почитать его; бесполезный гражданин – плохой гражданин. Для любого гражданина основанием притязаний, особых прав и званий может являться **только приносимая им обществу польза**. Бесполезный человек ослабляет цепь, связывающую граждан общества; преступный человек совсем разрывает ее.

Нас могут спросить, каковы же те средства, которые, действуя незаметно, не приостанавливая и не нарушая развития общественного организма, помогают ему избавиться от всего, что наносит ему вред? Для этого не существует более верных средств, чем воспитание и образование.

Если власти позволяют подданным получать образование, если те, кто призваны стать государственными деятелями и чье назначение состоит в заботе о народе, сами освободятся от предрассудков и поймут всю опасность их последствий, они смогут сдержать буйную горячность слепой и неосторожной толпы, свет разума начнет распространяться все шире и шире, и постепенно все части нации получают соответствующие их призванию и достаточно обширные познания.

Воспитание и образование являются в руках политических деятелей самым верным средством для внушения народам чувств и взглядов, необходимых для развития их способностей и добродетелей. В раннем возрасте человек восприимчивее всего к тому влиянию, которое желают на него оказать, поэтому для правительства важно с юности сформировать из граждан своих будущих помощников.

Вместо отвлеченных идей и утомительных наставлений, которыми обычно занимают умы молодых людей, необходимо привить им знание их естественных обязанностей, понятие о справедливости, чувство общности, или любовь к обществу, преданность родине, преклонение перед добродетелью, благородное стремление быть полезными. Все это, несомненно, представляет гораздо больший интерес, нежели пустые спекулятивные понятия и множество бесплодных знаний, которые невозможно применить к потребностям общества.

Люди несчастны, злы и не умеют жить в обществе только потому, что их руководители пренебрегают своей обязанностью просвещать их относительно их истинных интересов. Плохое правительство лишь разобщает людей, запугивает их, притупляет в них нравственное чувство и чувство общности, отделяет их личные интересы от интересов общества – одним словом, это правительство сеет порок, так что не следует удивляться тому, что оно не пожинает добродетели. Плохие законы, несправедливые правительства, порочные учреждения, нелепые обычаи, фанатичные, полные бесчеловечности и нетерпимости, препятствующие всякому естественному человеческому общению суеверия – все это никогда не может сформировать хороших граждан.

Невозможно представить, насколько благоприятно для общества было бы разумно направленное воспитание всех граждан! Люди обнаруживают так много злонамеренности и выступают в качестве столь плохих членов общества лишь потому, что правители пренебрегают их воспитанием, препятствуют их образованию, стремятся разобщить и

развратить их. Воспитание гражданина повсюду доверено лицам, интересы которых совершенно оторваны от интересов общества, людям без родины, деспотам, заботящимся лишь о том, как вернее задавить разум тяжестью своей власти, тиранам, воображающим себя представителями божества, к которому они внушают людям низкий и раболепный страх. Такие учителя воспитывают в народах лишь рабский дух, внушая им привычку без рассуждений подчиняться руководству и гибельное безразличие к тем предметам, которые больше всего должны были бы их интересовать. Уроки этих учителей не прививают людям понятий ни о свободе, ни о любви к общественному благу, ни о стремлении заслужить уважение сограждан, ни о деятельности, необходимой для общественной жизни. Они культивируют в людях приниженность и сознание собственной неполноценности, никогда не указывая ни истинных причин этих чувств, ни средств борьбы с ними. Они ввергают человека в отчаяние, делают его необщительным, лишают энергии. Если же они и развивают в человеке своего рода духовную активность, то лишь одурманивая его фанатическим усердием, очень опасным для общества и нередко гибельным для самих государей, которые считают себя заинтересованными в ослеплении народов.

Правильной политике совершенно чужды принципы и интересы тиранов; в деле управления она руководствуется разумом, законами и очевидными интересами общества. Такая политика не нуждается в обмане как средстве подчинять людей; она направлена на то, чтобы заставить людей понять свои действительные интересы, внушить им любовь к родине, которая не может существовать без свободы, показать им пользу объединения, сделать их смелыми, образованными, искусными, трудолюбивыми и общительными. Ее цель – преподавать людям истинные добродетели, без которых общественная жизнь была бы для них бесполезной и неприятной; ее цель – научить людей считать священными узы, которые связывают их между собой как подданных, супругов, отцов и детей, друзей и членов общества; ее цель – просветить людей, воспитать в них благородные чувства, привить им понятие о значении общественного уважения и страстное желание заслужить его. Такой политике чуждо стремление повелевать униженными рабами, которых, как известно, никогда нельзя превратить в граждан. Один из писателей древности сказал, что раб не является гражданином и потому для него не существует родины.

Сблизить людей между собой, сделать их действительно общественными существами, внушить им добродетель и тем самым сделать их счастливыми – вот та нравственная задача, выполнение которой должно лечь в основу политики. Не зная этого столь ясного принципа, люди живут в обществе, как в тюрьме, делая друг другу жизнь невыносимой из-за своих плохих нравов. Подлинная нравственность находится в постоянном противоречии либо с их религиозными воззрениями, либо с неправильно понятыми принципами и интересами тех, кто ими управляет, либо с обычаями, предрассудками и ложными воззрениями, которые каждое поколение находит уже установившимися и опирающимися на поддержку властей.

Тщетно было бы убеждать людей быть справедливыми, умеренными, миролюбивыми и делать лишь добро, в то время как их правительства будут повседневно давать им примеры насилия, жестокости, захватов, подлогов и завоеваний. Тщетно было бы осуждать порок, роскошь и тщеславие, в то время как в глазах всего народа разврат, излишества, жадность и расточительство олицетворяются в его повелителях, в знати, которая их окружает, в богачах, которые задают тон всему обществу, и даже в священнослужителях, которые утверждают, будто им принадлежит право направлять общественные нравы. Тщетно было бы стремиться с помощью законов, нередко жестоких и варварских, искоренить преступления, которые порождаются преступными правительствами с такой быстротой и в таком изобилии, что последние не в состоянии успеть их покарать. Разве не забвение государями своих обязанностей и не их чрезмерная жестокость породили нищету, лень, испорченность стольких несчастных, для которых единственным источником существования стали грабеж и убийства? И наконец, как может

религия с ее угрозами наказания на небесах влиять на сердца тех, кого здесь, в этом мире, все побуждает творить зло?

Воспитание и нравы могут быть хорошими только при хорошем правительстве; истинная мораль бесполезна для народа, подчиненного тирании; она может быть действенной лишь тогда, когда ей благоприятствуют власти, когда ее подкрепляет закон, когда в ее пользу свидетельствуют многочисленные примеры и, наконец, когда высоконравственные поступки получают поощрение в виде наград и уважения. Всякая подлинная мораль явилась бы оскорбительной сатирой по отношению к несправедливому и деспотическому правительству, неизбежным результатом действий которого бывает уничтожение всякой добродетели.

Для того чтобы сделать людей справедливыми, умеренными и общительными, необходима справедливая система правления. Но как установить такую систему? Для этого следует обуздать неблагоразумные страсти всех людей, ослепление которых может побудить их делать зло. Ведь всем людям свойственна слабость; и редко бывает так, чтобы тот, кто повелевает другими, обладал достаточной силой, чтобы повелевать самим собой; к тому же на смену справедливейшему государю нередко приходит самый несправедливый и бездарный тиран, который в одно мгновение может уничтожить и добрые нравы, и благополучие народа.

Поэтому счастье наций не должно опираться на одни лишь склонности и настроения столь изменчивого существа, как человек. Счастье народов следует основывать на всегда неизменной справедливости, на природе общества, на его правах, которые ничто не может ослабить, на его постоянно целеустремленной воле, на его силе, всегда грозной, если она едина. Пусть эта сила, заключенная в гражданах, движимых общим интересом, станет непреодолимой преградой для любого, кто осмелится посягнуть на общую волю.

Исходя из этого, будь гражданином, потому что твое отечество необходимо для твоей безопасности, твоих удовольствий, твоего благополучия. Будь верным и послушным законной власти, потому что она необходима для сохранения общества, в свою очередь необходимого для тебя самого. Повинуйся законам, потому что они – выражение общественной воли, которой должна быть подчинена твоя частная воля. Защищай свою страну, потому что она делает тебя счастливым и в ней – твое достояние и все самые дорогие для тебя существа. Не допускай, чтобы эта мать твоя и твоих сограждан подпала под иго тирании, потому что тогда родина превратится для тебя в темницу. Если твое несправедливое отечество отказывает тебе в счастье; если, подчиняясь неправедной власти, оно допускает, чтобы тебя угнетали, – покинь его молча и никогда не заводи в нем смут.

Одним словом, будь человеком, разумным существом, верным супругом, нежным отцом, справедливым хозяином, усердным гражданином; старайся служить родине своими силами, талантами, умением, добродетелями. Делись с ближними дарами, полученными от природы; распространяй благополучие, довольство и радость среди всех, с кем ты встречаешься; пусть круг твоих действий, как бы оживотворенный твоими благодеяниями, воздействует и на тебя; будь уверен, что человек, делающий других людей счастливыми, не может быть несчастным сам.»

Таковы глубоко продуманные суждения П. Гольбаха, написанные им более 200 лет назад, об общественном благе и государственности, а также о тех проблемах, которые препятствуют их укреплению.

Итак, ознакомившись с понятиями и идеями классической мудрости в области общественного и государственного строительства, с истинами, которые практически близки к абсолюту, можно делать выводы и для актуальной действительности сегодняшнего дня. При этом, нацеливаясь на наиболее рациональную систему государственного устройства, «не следует упускать из виду, – как предупреждал Аристотель, – цель каждой из форм государственного правления, потому что люди всегда избирают то, что ведет к цели. Цель демократии – свобода, олигархии – богатство, аристократии – воспитание и законность, тирании – защита».

Этих целей при государственном устройстве, **имея в виду**, прежде всего, общественное благо, стремились достичь на протяжении последних столетий прежде всего народы Европы, и преуспели немало в этой области. Усилиями Петра I, Екатерины II и других прогрессивных монархов того же пыталась достигнуть и Россия, но затянувшееся крепостное право, недостатки в просвещении народа затрудняли ей получить столь же высокие результаты в уровне жизни населения страны, и в особенности ее духовной составляющей.

Видимо, это стало поводом для возмущения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского, который еще полтора века назад недоумевал: “И чего же мы достигли? Результатов странных: главное все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не спасла от этого высокомерного презрения и самая эмиграция из России, то есть уже политическая эмиграция и полное от России отречение. Не хотели европейцы почтить нас за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае.

Мы у них в поговорку вошли. И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более презирали они нас самих. Мы виляли перед ними, подобострастно исповедовали наши "европейские" взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учливой усмешкой, что мы это у них все "не так поняли".

Как же быть? Стать русскими во-первых и прежде всего. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, тотчас же начнет и нас самих уважать. Тогда не отвертывались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Став самими собой, мы, наконец, получим облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу...”

Эти слова Федора Михайловича, хотя и были произнесены достаточно давно, не утратили своей актуальности и в наши дни, несмотря на то что актуальная действительность претерпела с той поры значительные изменения.

На рубеже перехода к третьему тысячелетию Россия переживает нелегкие для себя времена:

- Национальный интеллект малочислен, крайне разобщен и неорганизован, в связи с чем не может функционировать как общенациональный разум. Никто не обозначает ему национальные приоритеты, не способен в таких условиях определить их и он сам. Его авторитет подорван у народа, что снижает положительное влияние интеллигенции на гуманистическое просвещение граждан.

- Сознание большинства граждан, принижавшееся в течение многих десятилетий, опустилось до крайне низкого уровня и продолжает падать, вследствие чего в стране фактически не действуют такие обязательные элементы в жизни любого современного сообщества нормальных людей, как общественное сознание, и в жизни любой нации – национальное самосознание, т.е. осознание гражданами себя членами единого гражданского общества, единой нации, самоорганизованной в единое государство. Понятие нации у нас намеренно или по невежеству сплошь и рядом смешивают или путают с этно-националистическими особенностями входящих в состав русской (российской) нации народностей и национальностей, а единую государственность расщепляют федеративными устремлениями.

- В условиях практического отсутствия общественного сознания и российского самосознания общество расколото, и единство народа России сильно подорвано. Поэтому россияне сейчас больше напоминают разобщенных жителей, предоставленных самим себе, а не граждан современного государства, которое даже не в состоянии защитить их национальные интересы. Этим пользуются с выгодой для себя другие, более организованные нации, а также некоторые структуры мирового сообщества, враждебные России.

Нетрудно предположить, что если указанные причины срочно не устранить, то процесс обвала страны будет продолжаться, и в то время, когда в современном мире происходит активная интеграция и консолидация наций, существование русской (российской) нации в ее нынешнем виде все более ставится под угрозу, и в итоге она рано или поздно обречет себя, как и предсказывали великие мыслители, на вымирание (что, впрочем, уже и происходит), а государство россиян – Россию – на исчезновение.

Ни один думающий и сознательный гражданин России не может допустить этого, и поэтому все больше сейчас говорят о выработке и реализации программ спасения и цивилизованного развития нашей Родины, о формулировании и создании механизмов защиты национальных интересов гражданского общества страны, понимая, что без обсуждения стратегических вопросов развития нашего государства, без их осмысления и кардинального решения объем и тяжесть текущих проблем будет только увеличиваться. Однако, рассуждая о создании отечественного механизма, который помогал бы всем ветвям власти успешно преодолевать все возникающие перед страной в ходе ее развития проблемы наиболее эффективным способом, следует анализировать и учитывать также и накопленный многовековой мировой опыт.

Для этого нельзя не вспомнить, что ушедший XX-й век помимо прочих исторических свершений ознаменовался еще одним важнейшим этапом в развитии человечества - переходом к более совершенной форме общественного структурирования. Эта форма стала результатом долгой борьбы за гражданские права и обязанности, в силу чего в организации населения, проживающего в различных районах мира, определилась и стала преобладающей тенденция общественного переустройства, берущая в основу принцип "**нация по гражданству**" (nation), вместо доминировавшего ранее принципа "национальности по крови" (nationality).

Следуя новому принципу, происходило формирование более стабильных государственных образований, основывавших свое устройство на современной идеологии социального общежития и группового поведения и объединявших различные национальности, проживающие на их территориях, в **объединенные нации**. Преимущества данного подхода заключаются в возможностях создания более жизнестойких социальных организмов путем более эффективного подбора в структуры госуправления и госслужбы (т.е. в общественный мозг и прочие органы социума) людей по своим способностям наиболее пригодных для этого профессионально, при этом самых лучших из них – элитных, без оглядки на их кровную национальность, партийную или конфессиональную принадлежность, которые при их функционировании не должны влиять на что-либо.

Признав данный принцип основополагающим при строительстве современного общества, исповедующие его государства начали координировать свои взаимоотношения и действия в рамках глобального человеческого общежития через Лигу НАЦИЙ, а позднее через Организацию ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. Однако, чтобы полнее охватить все страны мира, достаточным условием для приема в ООН было и до сих пор остается наличие у государств так называемого суверенитета, а не форма их гражданского устройства. Вследствие этого членство в ООН имеют также и государства, в которых продолжают превалировать и старые националистические принципы, дающие богатую почву проявлениям фашистского экстремизма, и принцип моноконфессиональной исключительности, питающий религиозный фанатизм, и даже монопартийные идеологические догмы. Отставание этих стран в освоении современной идеологии социального общежития служит источником сохранения очагов националистической, идеологической, расовой и религиозной напряженности во многих регионах мира.

В принципах построения государств продолжают превалировать олигархически-демократические основы, базирующиеся на приоритетах имущественного владения. Рейтинги самых богатых, самых состоятельных индивидов составляются повсеместно столь же регулярно, что и рейтинги теннисистов, футболистов, шахматистов. Рейтинги же самых разумных, самых сознательных, самых здравомыслящих никто пока не берется составлять,

не научились. Не составляют их по той причине, что мерила разума, нравственности и сознания до сих пор еще не выработаны философами, не общепризнанны человечеством, а сами разум, здравый смысл и нормально развитый менталитет не стали еще главными ценностными ориентирами для населения стран мира. Поэтому-то не разработаны и не практикуются и ментальные цензы для вхождения во власть, хотя в ряде стран проверке соответствия отдельных элементов менталитета стали уделять уже больше внимания.

К странам, остающимся на старых принципах общественного устройства, к сожалению, относится и современная Россия. Основы ее государственности с 1917 года и до сих пор зиждутся на ленинской национальной и социальной политике. Именно в 1917 году в угоду проводившемуся социальному эксперименту "русская нация по гражданству" была расколота по классовому признаку и для выделенной пролетарской (по Аристотелю – «демократической») части провозглашен интернационализм. Одновременно структура российского губернского государственного устройства была упразднена и заменена системой несуществовавших до этого националистических республик с заново начертанными для них границами. Старая национальная элита («аристократия», интеллигенция) была уничтожена и подбор в новую "советскую элиту" (номенклатуру) стал осуществляться не по интеллектуальным и нравственным признакам, а по пролетарскому происхождению, а позднее – по протекции (по «блату», по «землячеству», по личной преданности).

В результате таких подходов в руководство государства стали попадать случайные люди, вследствие чего многие члены *Политбюро* ("суперэлита") имели, как правило, низкий уровень воспитания и образования, а отсюда низкий интеллект, часто переходящий в маразм, при полном отсутствии представлений о морали. По этим же причинам и население России оказалось на сегодня столь разобщенным и невежественным, а сознание народа деформировано до такой степени дебильности, что пугает уже не только и не столько ускорение темпов его вымирания в последние годы, все более проблематичным становится историческое будущее россиян вообще.

В России нет **ОБЪЕДИНЕННОЙ НАЦИИ** как таковой в общепринятом во всем мире значении этого термина. Ведь Объединенная Нация – это такая форма общественной организованности населения, при которой его гражданское самосознание достигает степени, когда "один за всех и все за одного". Объединенная Нация – это социальный организм со всеми присущими ему атрибутами, главным из которых является его координирующий центр, своего рода мозг данного сообщества. В нормальных, по-настоящему цивилизованных странах его функции выполняет национальная **интеллектуально-нравственная элита**, руководствующаяся разумом и здравым смыслом, отличающаяся от просто (псевдо) *элиты* тем, что ее интеллект и мораль прежде всего нацелены на развитие данной нации, а не на удовлетворение собственной корысти. Поэтому граждане этих стран, формируя здоровое общественное мнение, выбирают во власть тех представителей элиты, которые на данный момент оказались наиболее достойными и в наибольшей мере соответствуют интересам всей нации. Так структурировано все современное нам цивилизованное мировое сообщество.

В этой связи еще В.М. Бехтерев писал: «Мораль следует признать продуктом общности, в форме особого вида общественного приспособления с условиями самоограничения до жертвенности включительно. В самом деле, борьба за существование не знает самоограничения в виде хотя бы сдержки. Раз борьба началась, она не знает самоограничения, которое создается только в условиях общественной организации, неизбежно приводящей в интересах целого к самоограничению и жертвенности.

Мораль, таким образом, является не чем иным, как общественным продуктом в виде привыканий к тормозным реакциям самоограничения в интересах наибольшего сообщества, с одной стороны, и, с другой стороны, в виде активных наступательных реакций в смысле принесения в жертву самого себя в интересах того же сообщества. Эти навыки передаются путем подражания из поколения в поколение, становясь обычаями, которые впоследствии,

вместе с развитием культуры и грамотности, переходят в писанные законы, играющие роль наложения общественных тормозов на поступки, не соответствующие интересам сообщества, причем тормозным раздражителем является угроза, связанная с известным насилием над личностью, для устранения ее из строя общественности в целях ее исправления.

Нет надобности говорить, что законы требуют исполнения минимальной морали большей частью с тормозным характером, без чего нельзя обойтись в условиях общественности, но сама общественность с ее неписанным законом, регулируемым так называемым общественным мнением, устанавливает правила, которые идут много дальше писанных законов в смысле требований морали высшего качества в виде не самоограничения только, но и жертвенности. Орудиями же общественного мнения является, с одной стороны, публичное осуждение, как фактор тормозного характера, приводящий к подавлению личности и защитному рефлексу стыда, а с другой стороны, общественная похвала и награда, как стимулирующий или понуждающий фактор, приводящий к подъему энергии и социальному героизму.»

Дело устранения угроз и опасностей развитию своей нации является в цивилизованных государствах не только заботой их руководителей (властей), всех государственных служащих (особенно в органах безопасности), но и священным долгом каждого сознательного гражданина, его общественной обязанностью. В советские же времена гражданский долг свели вообще лишь к военной службе юношей в армии и к голосованию на псевдовыборах. Долг крепить единство нации подменили призывом крепить единство партии и народа, а долг постоянно обустроить и украшать свою страну подменили однодневными ленинскими субботниками и установкой каменных истуканов вождя на центральных площадях всех городов и поселков. Ни о какой нравственности личности или экологии природы даже не велось речи, как не ведется она и сейчас. Поэтому о всей полноте своего гражданского долга перед своей страной, о своих гражданских обязанностях наши граждане не осведомлены до сих пор, как и о том, что этот долг, эти обязанности они обязаны бескорыстно выполнять в течение всей своей жизни как члены общества, в память о своих предках, в заботе о потомках, просто как нормальные люди, любящие свою Родину.

Однако вместо приоритета обязанностей перед собой, перед другими, перед обществом, о чем писали многие великие мыслители, людям продолжают вбивать искаженное представление об их правах. Понять активистов этих навязчивых идей нетрудно. Таким путем они с легкостью зарабатывают себе общественный капитал, т.е. это еще одна разновидность лохотрона. И в самом деле, легко быть добреньким, всем нравиться, выглядеть гуманным. Именно на этом поприще самолюбования процветают всякого рода одиночные (как правило, ментально больные) правозащитники и целые правозащитные организации, эксплуатирующие невежество людей в этом вопросе. Не теряют возможности использовать этот гуманистический аспект в своих интересах и определенные политические силы.

Известно, что существует «Комиссия ООН по правам человека», принята «Всеобщая декларация прав человека», но никто еще в мире не создал ни одной организации, не написал ни одной Декларации об обязанностях человека. Потому что непочетно, потому что мало кто поддержит – лишь врагов наживешь. В правозащитниках куда легче ходить, чем в обязанностезащитниках.

Вместе с тем слово responsibility означает не только обязанности, но и ответственность, и обязательства. Отстраняться от обязанностей – значит быть в высшей степени безответственным.

Да, существуют экологические движения «зеленых», разного рода организации в защиту животных, но прямо так в лоб об обязанностях каждого человека после Канта и Гольбаха вопрос никто не ставил и не ставит, если не считать отдельных учителей в школах.

А обязанностей у человека, особенно современного, их как много. В дополнение к известным десяти библейским заповедям-моральным обязанностям это и:

- быть физически здоровым, не болеть;
- быть воспитанным, быть вежливым, культурным;
- получить наивысшее образование и всю жизнь его пополнять, поддерживать;
- почитать родителей и ухаживать за ними;
- правильно питаться, сохраняя на должном уровне свой клеточный и информационный метаболизм;
- уважать старших;
- иметь хорошую семью, детей;
- правильно воспитывать своих, и не только своих, детей;
- добросовестно работать;
- украшать и содержать в опрятности и чистоте свое жилище - квартиру, дом, двор;
- не мусорить, сохранять и улучшать окружающую среду;
- любить Родину и своих соотечественников;
- не лгать, не воровать, не хулиганить, не мошенничать;
- не злоупотреблять алкоголем, не курить, не употреблять наркотики;
- и т.д., и т.п.

Таким образом, каждое «право» человека в обязательном порядке сопровождается не меньшим количеством обязанностей, о которых правозащитники всегда умалчивают. Так, право родить, иметь ребенка должно сопровождаться обязанностью не зачинать его под воздействием алкоголя, наркотиков, вырастить и воспитать его хорошим человеком, гражданином. Право на отдых должно сопровождаться обязанностью не мешать отдыху других, не мусорить в лесу на пикнике, не включать громко музыку и т.д. То есть все права должны сопровождаться специфичными, привязанными к ним обязанностями. И вот когда люди поймут, что обязанностей у нормального человека должно быть не меньше, чем прав, а во много раз больше, когда они выучат их все и будут строго выполнять, вот только тогда такое общество достигнет своей зрелости с точки зрения его общественного сознания. Только такое общество может рассчитывать на дальнейшее нормальное развитие.

Ну, а уж госслужащие, руководители государства, его регионов должны выполнять свой долг, свои обязанности с двойными усилиями: и как граждане - бескорыстно, и как госслужащие - за зарплату (их единственную корысть). Те же, кто уклоняется, забывает о своем гражданском долге, о своей святой обязанности укреплять, улучшать свою страну, не имеют права называться ее гражданами. О госслужащих вообще разговор особый. Их бездействие, их пассивность в исполнении долга, своих служебных обязанностей перед согражданами, равно как и корыстная активность в ущерб общественным, национальным интересам, особенно в тяжелые для страны периоды, во все времена у всех народов квалифицировались не иначе, как ИЗМЕНА РОДИНЕ разной степени тяжести со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Зная об этом, зададимся вопросом, не настало ли время и нам, россиянам, пробудиться и вспомнить, наконец, о своем гражданском долге, о своих гражданских обязанностях, суть которых известна всему человечеству более 2 тыс. лет и лишь для нас они доселе неведомое понятие.

Исходя из рассмотрения всех особенностей государственного устройства, его преимуществ и сложностей с учетом современных научных знаний, необходимо сделать следующие основные выводы по данной теме:

1. Современной формой государственного устройства следует считать президентскую либо парламентскую республику, которые на практике мало чем отличаются в структуре государственного управления, представляя собой фактически идентичные

властные пирамиды. Различие состоит лишь в методах заполнения функциональных ячеек должностей государственных руководителей, чиновников средней руки и государственных служащих. В структурах и методах государственных устройств до сих пор встречаются элементы как монархии, так и тирании, что-то от олигархии и демократии, что-то от аристократии и политики.

2. Более важным являются принципы заполнения властных пирамид, в основе которых должны быть заложены принципы не *демократии* (власти неимущих и необразованных, т.е. нищих имущественно и «нищих» духом), не *олигархии* (власти «имущих», но бедных нравственно индивидов, как правило, с искаженным сознанием), не *догматов идеологии* или *религии* (разного рода *демагогов*), а *политии*, или **ноократии** – власти лучших из лучших по разуму и добродетели, по образованию и воспитанию, по интеллекту и нравственности представителей здравомыслящей части населения, действительно самых достойных граждан, делящихся на известные категории индивидов человеческой иерархии, т.е. по убывающей, на:

- *личностей,*
- *философов,*
- *интеллигентов,*
- *интеллектуалов,*
- *человеков,*
- *добропорядочных обывателей,*

в отличие от:

- *обывателей с дурными наклонностями,*
- *нелюдей всех видов и разновидностей.*

Именно заполнение властных ячеек пирамиды государства (должностных вакансий) представителями верхней части четко сформированной национальной индивидуумной пирамиды, т.е. включая *человеков* и выше, именно состояние, когда одна пирамида (национальной индивидуумной иерархии) совпадает с очертаниями другой (структуры власти), придает устойчивость государственному устройству и обеспечивает поступательное развитие государства.

3. К основным функциям современного государства следует относить:

- организацию всеобщего, всеохватывающего, постоянного воспитания и образования, просвещения своих граждан (здесь, как ни странно, очень кстати приходит на ум ленинское: **учиться, учиться и учиться...**).

В разъяснение этого пункта вновь приведем суждения Бехтерева: «В виде основного условия гражданского воспитания необходимо образование среди детей общинного начала. Необходимо, чтобы вместе с этим социальность и право, а равно и чувство гражданского долга вкоренилось в будущего человека наподобие инстинкта, чтобы блага общества всегда им ставились выше своих личных выгод, чтобы он сделался всегдашним ревнителем общественных интересов и защитником их везде и всюду, чтобы его всегдашним идеалом была возможная помощь общественному делу, клонящемуся к общему благу.

И не одна только помощь «ближним» как основа гуманности должна быть лозунгом социально-трудового воспитания, но, главным образом, помощь социальному целому, причем общечеловеческие идеалы должны быть признаваемы высшим достижением морали. Иными словами, нужно заботиться о таком социально-трудовом воспитании, которое создавало бы из человека истинного гражданина и в то же время закаляло бы его энергию для общественной деятельности, уравнивало бы всех необходимостью трудиться на общую пользу, в меру их сил и способностей, и которое развивало бы в человеке социальные инстинкты, вкореняя их с самого детства.

Социально-трудовое воспитание должно подготовить в будущем новый тип социальной личности с полным сознанием гражданских прав и обязанностей, который

понесет впереди себя знамя единства, свободы и равенства между всеми вообще людьми и явится хранителем лучших основ гражданственности, свободы и братства.

Служение обществу должно сделаться своего рода религией школьного воспитания. Оно должно чувствоваться детьми не как должное, а как необходимое и неизбежное, как внутренняя потребность, как оправдание своего бытия»;

- постоянное совершенствование системы воспитания и образования, наполнение ее лучшими учителями, преподавателями, наставниками, а также учебниками и прочими элементами ноосферы;

- активное противодействие потенциальным противникам в информационных, идеологических, демографических и экономических войнах, как современных видах межгосударственного противостояния;

- повышение социальных показателей жизни населения: уровня жизни, демографической статистики, показателей рождаемости и смертности, статистики преступности, динамики уровня преступности, наркомании и алкоголизма и т.п.;

- исходя из того, что бесполезные члены общества ослабляют его, нахождение им полезных для общества занятий, либо изолирование их, оберегая тем самым общество от растления ими.

4. Правовое регулирование гражданственности должно обеспечивать:

- недопущение к государственному и местному управлению выше определенного уровня *обывателей*, как индивидов с низкими знаниями, моралью и сознанием, не говоря уже о *нелюдях*;

- понижение в правах, включая избирательное, *нелюдей* всех видов и разновидностей, максимальную их изоляцию от добропорядочных граждан.

Таким образом, сейчас, когда уже известна область распространения ноосферы, ее суть и влияние, когда стало возможным измерить ее глубину, можно смело утверждать, что **эталон** государственного строя является **ноосферная политика – ноократия**, которая должна включать в себя осовремененные элементы лучшего и от *аристократии*, и от *добродетельного главы государства*, отбрасывая все плохое, что может быть связано с *тиранией, олигархией и демократией*.

В целом общенациональная идея для России, как и для любого общества, государства, формулируется очень просто: **КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ЖИТЬ ХОРОШО!** Но именно человек, а не обыватель, и не нелюдь какая-нибудь. (Сейчас же в большинстве случаев все происходит с точностью до наоборот.) А для начала, в первую очередь у **людей** (а не у *нелюдей*) должно быть достаточно еды, нормальное жилье, свет, тепло и **ДОСТУП К НООСФЕРНЫМ ЗНАНИЯМ**, к воспитанию и образованию. Потом - все остальное.

Целью деятельности властных структур любого современного государства, включая Россию, таким образом, должно быть улучшение уровня жизни всего населения до некоего среднего уровня, т.е. ограничение сверхдоходов богатых и искоренение нищеты бедных, сопровождаемое просвещением и тех, и других. При этом не путем изъятия, перераспределения или других насильственных действий, не с помощью бесплатной кормежки (которую все равно разворуют чиновники), а путем создания соответствующей среды обитания, регулируемой законами и нормативными актами.

Властные структуры государства не должны приватизироваться теми или иными (партийными, земляческими, религиозными) группами с целью личной или групповой наживы захвативших их чиновников, а должны доверяться достойным на то гражданам, чья нравственность, профессиональная подготовка и сознание должны быть тщательно изучены и подтверждены не менее нравственной комиссией экспертов. Только тогда не армия охранников и спецслужб будет расти, а дома, школы и больницы будут чистыми и отремонтированными, хорошо отапливаемыми и освещенными и в школах будут работать воспитанные и хорошо образованные учителя, получающие за это нормальную зарплату, позволяющую им нормально жить. Не олигарх, не депутат, не охранник должны получать

самые большие вознаграждения, а учитель, судья и врач. Ведь если учителя принуждают брать деньги с учеников, с их родителей, то какой морали научит такой учитель.

Население, выстроенное по ментально-нравственным признакам в некую рейтинговую гражданскую пирамиду, точно в таком же иерархическом порядке должно занимать и обновлять ячейки государственных структур на всех ступенях и уровнях и, точно в таком же порядке, получать вознаграждения, блага от общества или, если кто заслужил, соответствующие наказания. Вор, взяточник, бандит должны не занимать властные кабинеты, не разъезжать на Мерседесах и не жить в четырехэтажных виллах, а сидеть на нарах и хлебать баланду, читая при желании Канта и Гольбаха. Если такой порядок общество сумеет когда-нибудь установить, только после этого оно может надеяться на устойчивое свое развитие, на социальный прогресс в своем государстве, на счастливое проживание в нем максимального количества именно **людей**.

Подводя итоги всему вышесказанному, хотелось бы привести суждения Г. Гегеля на эту тему из его “Философии права”: “В государстве не следует желать ничего, что не есть выражение **разумности**... Обычно прежде всего задают вопрос, какой строй является наилучшим. На это можно было бы дать множество ответов, самый общий такой: каждый строй хорош, при условии, что в нем существует хорошее управление. Так высказываются люди, которые хотят прослыть умными, но они лишь обходят вопрос, отодвигают его. По их словам, все государственные устройства хороши, нет среди них наилучшего... Второй ответ гласит: лучшим является тот строй, которым довольны люди, ведь что же требуется еще, если люди счастливы, довольны... Удовлетворенность вообще не содержит объективного определения, человек может удовлетвориться наихудшим, свиньи довольны, пребывая в грязи, и люди довольны, находясь в самом низком, позорном состоянии, как, например, индусы, погрязшие в глубоком позорном суеверии... Наилучшее государственное устройство – **разумное**... Обычно заранее исходят из различных определений – государственный строй должен защищать свободу, служить препятствием произволу, способствовать благу целого, счастьем и довольством людей. От всех этих соображений следует освободиться, заботиться надо только о **разумности**... тогда все остальное придет само собой, все эти второстепенные цели будут достигнуты попутно”.



Какой должна быть власть?

"Падет невольно сила без разума..."

Гораций

Говоря о **власти**, многие подходят к этому вопросу несколько формально, перечисляя **законодательную, исполнительную и судебную** ее ветви. Некоторые журналисты, телеаналитики и просто аналитики, набивая себе цену тем, что они, воздействуя через доступные СМИ на общественное сознание населения, могут манипулировать им по чьему-то заказу, называют себя **четвертой** властью. Это так, но это не совсем так. Так могут думать только люди, далекие от философии, от истин бытия. Если следовать этой логике, то учителя в школах, воздействуя на формирующееся сознание подрастающего поколения, могут манипулировать им в еще большей мере. А это именно так. Недаром существует известное высказывание, что войны выигрывают (и соответственно проигрывают) школьные учителя.

Рассуждая о **власти**, большинство забывает о главном ее делении, которое давно было введено великими мыслителями и которое укрепляется в истинности вот уже третье тысячелетие. Это деление, первичное по своей сути, подразделяющее все бытие на добро и зло, делит также и власть вообще на власть **разума** и власть **безумия**, на власть **света** (просвещения, ноосферы) и власть **тьмы** (невежества, негасферы). От того, представители

каких человеческих качеств по данной шкале, имея в виду это, основное деление, займут ячейки ветвей формальной власти, ее верхние ступени, зависит и благополучие государства, и счастливое житие-бытие его граждан.

Иными словами, многое, если не **все в обществе**, в каждом государстве зависит от того, как оно структурировано, какими принципами заполнения властных ячеек-должностей руководствуется, что собой с точки зрения менталитета, сознания представляет в результате властная, т.е. верхняя, часть общественно-государственной иерархии, упорно называющая себя «элитой», что элитного (лучшего) в этой *элите*, к чему она больше тяготеет – к просвещенности или к невежеству. В зависимости от ответов станет ясно, подлинная ли это *элита* или *псевдоэлита* и кто правит обществом, государством – *разум* или *безумие*. В этой связи остановимся несколько подробнее на признаках **элиты** общества (нации, государства, человечества) и на путях становления *власти разума*.

Было бы неправильно, если рассмотрение этой группы понятий и истин мы не начали бы с известных суждений на эту тему классических мудрецов. Поэтому по хронологии вновь вспомним сначала Платона, который справедливо полагал, что в нормальном обществе, государстве должен существовать лишь один вид подчинения, т.е. социальной иерархичности, основанный на фактическом нравственном и интеллектуальном превосходстве одних над другими. Вследствие этого нравственное самосовершенствование, накопление знаний и мудрости должно соответствующим образом оцениваться и сочетаться в рамках государства в установлении между людьми отношений сотрудничества и взаимопомощи. Не покорение и господство, а просвещение и воспитание, не наказание, а убеждение должны быть рычагами государства, вернее, людей, облеченных властью. При этом в центре важнейших государственных функций должны ставиться *евгеника* – облагораживание человеческой души и *селекционная* работа, т.е. подбор и расстановка кадров.

Главное предназначение государства состоит в том, чтобы противостоять разрушительной социальной анархии, дезорганизации, хаосу, охранять целостность общества от распада на противоборствующие части и группы, борющиеся за власть, за право стать «элитой». Группы, преследующие узкогрупповые, клановые или партийные интересы, а не благо целого, ведут государство к неизбежной катастрофе. С учетом этого высшими государственными интересами являются сохранение единства общества и улучшение людской породы, при этом все лучшее должно подниматься «наверх» общества и быть той самой **элитой**, а худшее – соответственно опускаться в нижние слои – «на социальное **дно**». В то же время от рождения всем гражданам в обязательном порядке должны быть предоставлены равные возможности в достижении высокого политического положения в обществе.

Служение государству, по Платону, не право на бесконтрольное осуществление власти, а обязанность и ответственность за социальную справедливость. Использовать власть в целях наживы – порочно и преступно, а кормиться от власти – безнравственно. Нет и не должно быть в нормальном государстве организованной экономической преступности, массового злоупотребления служебным положением чиновничества, обвальной коррупции – зловещих недугов государственности конца XX-го века. Избежать их позволяют совершенствование гуманистических основ государства, приоритетность человеческого фактора над экономическим, организация «правильного воспитания и обучения», которое «пробуждает в человеке хорошие природные задатки».

Исходя из этого, а также принимая во внимание, что по наследству невозможно передать ни навыков и качеств, взращенных искусственно, а только природную основу (генетическую составляющую), **положение человека в обществе**, по мнению философа, **должны определять** не его социальное происхождение, не имущественное состояние, не знатность, связи или деньги, а его врожденные **способности, развитые образованием и воспитанием**.

Знание, основанное на разуме (т.е. ноосферное), обеспечивает прочность государству. Незнание того, в чем заключается благо всех и каждого и что противно разуму и природе, ведет к его **гибели**. Поэтому *просвещение, образование и воспитание* суть неперенные предпосылки государственного строительства, а люди науки и культуры (т.е. интеллигенция) обязаны (это их предназначение) распространять истинные знания немногих среди многих, в то же время эти многие должны всячески возвышать такого рода людей, беречь и множить свою подлинную *эли́ту*. Именно такой процесс, считает Платон, обеспечит попадание (избрание) «на властные верхи» государства истинно знающего и наиболее нравственного меньшинства, «преисполненного подлинной страстью к подлинной философии».

Вместе с тем гарантией против недоброкачественного правления и ошибок правителей может быть только закон, который «свойствен человеческой природе и способен выражать высшее человеческое благо – справедливость».

Соотношение «политика – закон» становится особенно важным в периоды политической нестабильности, когда в государствах происходит борьба за власть. В этом случае, по Платону, «спасение государства» состоит в том, чтобы политические и государственные деятели стали «служителями закона». Широко известно часто цитируемое положение философа на сей счет: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, там они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государству боги». Но и здесь подход должен быть конкретно-историческим, творческим и неформальным. Когда дело касается охраны государства, а тем более его спасения, Платон не ограничивается одной законностью. В таких случаях он призывает к решительным политическим акциям, к властным действиям. «И пусть они, – настаивает ученый, – очищают государство, казня и изгоняя некоторых, во имя его блага», и до тех пор, «пока это делается на основе знания и справедливости, и государство по мере сил превращается из худшего в лучшее».

Вообще Платон предъявляет самые высокие требования к политику – «царственному мужу», придирчиво присматриваясь к тем, кто занимает высокие места в государственной иерархии, и делая скептические выводы: нынешние «политики больше напоминают по своей природе, а также образованию и воспитанию подвластных, чем властителей». Политика, как ее представляет Платон, должна быть уделом не всех и даже не большинства людей. Политика по плечу только избранным, располагающим для этого необходимыми качествами от природы, умудренным опытом, философски образованным людям, которые понимают, что есть разумное, нравственное, что есть общее благо. Он высказывает серьезные опасения в связи с тем, что справедливость в деле управления государством может быть серьезно подорвана, если в него будут вмешиваться ремесленники всевозможных цехов, купцы, крупные собственники, а тем более необразованные простолюдины, беднота.

Любое занятие требует специальных знаний, соответствующей подготовки. Политическое управление выделяется из среды прочих занятий и ремесел тем, что является самым великим, «царственным» искусством. Для него требуются не только особые знания, специальное воспитание и подготовка, но и призвание, полученное от природы. «Ведь это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений».

Poetae nascuntur, oratores fiunt – «поэтами рождаются, ораторами становятся», так выскажется Цицерон, приезжавший в платоновскую Академию. Едва ли с ним согласился бы Учитель, поскольку для политика мало природных талантов. Для того чтобы превратиться в политика, «стать» им, необходимо особые, природные «царственные» качества приумножить, развить и отточить посредством всестороннего и глубокого философского образования, практического политического опыта и нравственного, духовного совершенствования.

Вероятность соединения всех этих качеств в одном человеке уникальна, если «вообще существует такое искусство и полное знание его, то это крайняя редкость», – сознается Платон. Ни «множество богатых людей, ни весь народ в целом не в состоянии овладеть этим знанием». Искусством управлять можно овладеть сообща, можно подобрать и правителей, действующих в согласии. Но это уже зависит от государственного устройства, поскольку из государственных устройств то необходимо будет правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей, а не правителей, которые лишь кажутся таковыми, «кто делает вид, что они политики, и убеждает в этом многих, на самом же деле вовсе не таковы».

Кто же он такой, политик – «пастырь человеческого стада»? Платон начинает свою типологию идеального типа политика-правителя с описания первого из возможных вариантов правителя, с пастуха, пасущего стадо. Но он отказывается признать его достойным на том основании, что дальше «скотокормления» такой правитель не уйдет. Далее политик уподобляется врачу. Правитель-лекарь ценен Платону за знания способов врачевания больного. Они полезны для отсечения всего вредного и заразного в общественном организме, для вырезания тех «сот с медом», на которых плодятся и кормятся «трутни с жалом» или «без жала».

Тип правителя-кормчего также имеет в глазах Платона известную привлекательность. «Подобно тому, как кормчий постоянно блюдет пользу судна и моряков, подчиняясь не писаным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов». Однако сомнения по поводу благородного кормчего и умелого лекаря остаются. В конце концов, «приняв в уплату деньги от родственников больного или от его врагов», врач «часто просто его убивает». Кормчие также, случается, делают то, что неприемлемо для политического деятеля. Потерпев крушение в море, они выбрасывают людей за борт и строят другие козни.

Пожалуй, в наибольшей степени вниманием Платона завладевает образ государственного деятеля-ткача. Тонкий политик, как и искусный ткач, соединяет между собой то, что в обычной жизни кажется несовместимым. Связь эта диалектическая, которая «целиком и полностью дело царского ткачества». Думается, что уподобление политика ткачу понимается Платоном минимум трояко. Во-первых, «царское искусство прямым сплетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей». Во-вторых, сам правитель должен «переплести» в своем характере мужество, рассудительность и многие другие необходимые для дела государственного управления, но часто несовместимые качества. В-третьих, в тех случаях, когда политическое руководство требует многих правителей, искусство шелкопрядения поможет «смешивать их между собой в равных количествах, ведь в высшей степени мягкому, справедливому и спасительному нраву благоразумных правителей недостает резкости, своего рода острой и действенной дерзновенности».

Кстати, именно в ходе поиска лучшего типа правителя у Платона и рождается само определение политического искусства: «Если обозначить одним именем способность того искусства, которое правит всеми прочими и печется как о законах, так и вообще обо всех делах государства, правильно сплетая все воедино, то мы по справедливости назовем его *политическим*».

Рассматривая самым подробным образом причины подобных катаклизмов и метаморфоз, Платон ставит в повестку дня *inter alia* в качестве первостепенного вопрос о манипулировании общественным сознанием и воздействии на политическую волю и поведение. Он как будто предвидит, что через тысячи лет, в конце XX в., это станет острейшей социально-политической проблемой. Конечно, бессмысленно искать на страницах платоновских произведений примелькавшиеся сегодня термины – у него свой

словарь и свои категории, но суть от этого не меняется. Мыслитель со всей настойчивостью предупреждает об угрозе социальной лжи – «гибельного обычая, переворачивающего государство как корабль», служащего прикрытием хищнических устремлений тех, для кого политика есть лишь средство индивидуального или коллективного самоутверждения у власти.

Он пишет об особом роде «людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми тянутся и не столь смелые». Их Платон уподобляет «трутням, имеющим жало». Они существуют при всех видах политического режима, но «при демократии», как считает философ, они получают наибольший простор в деле захвата власти. За редкими исключениями, они «чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе».

Воздействие «трутней с жалом» на молодое поколение, не имеющее политического опыта и устоявшихся жизненных ориентиров, особенно разрушительно. «Опорожнив и очистив душу юноши, уже захваченную ими и посвященную в великие таинства, они затем низведут туда, с большим блеском, в сопровождении многочисленного хора, наглость, разнузданность, распутство и бесстыдство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством».

Еще и еще раз возвращается Платон к подрывной деятельности демагогов, выворачивающих наизнанку традиционные политические ценности, сеющих отравленные семена политического негативизма и правового нигилизма в неокрепших молодых душах. Охваченный неистовством жалить, трутень, «если он захватит в юноше какое-нибудь мнение или желание, притязующее на порядочность и не лишенное еще стыдливости... убивает их, выталкивает вон, пока тот совсем не очистится от рассудительности и не преисполнится нахлынувшим на него неистовством».

Политические интриганы, софисты и фальсификаторы, паразитирующие на здоровом социальном теле, ведут настоящую «битву с бережливым началом». «В убеждении, что умеренность и порядок в расходовании средств – это деревенское невежество и черта низменная, они (трутни) удалят их из своих пределов, опираясь на множество бесполезных прихотей».

Так политика превращается в политический фарс, в зрелище, «когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется встать дурным виночерпием, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы, и обвиняет их в мерзком олигархическом уклоне».

Манипулирование общественным сознанием, политическая софистика (рассуждения с преднамеренным нарушением логики) и демагогия получают наибольший простор, как утверждал Платон, «при демократии». Но было бы ошибкой считать, что при других политических режимах они не имеют возможности установить свое господство. Они используют то, что должно с полным правом называть «ложью, укоренившееся в душе невежество, свойственное человеку, введенному в заблуждение». Поскольку словесная ложь – это уже воспроизведение душевного состояния, а слово является важнейшим средством общения между людьми, то потеря доверия ко всякому слову порождает человеконенавистничество. Оно-то и приводит к тому, что неразумное пользование свободой превращается в своевольно используемую власть под видом свободы. «А кончат они... – говорит Платон, – тем, что перестанут считаться даже с законами – писаными или неписаными, – чтобы уже вообще ни у кого ни в чем не было над ними власти».

«При демократии» большой вес набирают «трутни с жалом», силой отстраняя людей от занимаемых должностей, «потому что ничем другим они не могут набить себе руку». Они могут кормиться тем медом, который отберут у других. Находясь у власти, они имеют

«возможность отнять собственность у имущих и раздать ее народу, оставив, правда, большую часть себе».

Не меньше политических лицедеев-«трутней» и в олигархии. Именно они внушают низшим слоям мысль, что «люди богаты лишь благодаря малодушию бедняков», что «господа-то наши – никчемные люди». В конце концов, их действия обретают реальную политическую силу, когда они обещают передел земли и ликвидацию долговых обязательств, «дав оружие в руки толпы».

Тирания тоже в конечном случае – происки «трутней с жалом». Чтобы удержаться у захваченной власти, они неизбежно выдвигают и ставят во главе государства тирана. Но делают это хитро, чужими руками. На их уловки поддаются и неимущий народ, обманутый клеветниками, и по неведению имущие слои. Все становятся у них игрушкой, ибо «тот самый трутень ужалил их», породив зло.

Поставив столь сложную политическую проблему, Платон сам и предлагает ее решение, главным в котором является превентивная охрана государства от появления в нем всякого рода «трутней», особенно тех, у кого есть или может быть «жало». Правителю – «хорошему врачу» и «государственному законодателю» надо «заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, – главным образом, чтобы не допустить зарождения «трутней», – но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты». Политикам-правителям необходимо постоянно быть начеку и знать, что для «нарушения равновесия болезненного (государственного) тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться, а иной раз расстройство в нем бывает и без внешних причин..., иной раз междоусобица возникает и без постороннего вмешательства».

И он дает такое государственное устройство, которое может быть и идеальное оттого, что «идеально» спасает государство от грозящей перманентной угрозы. Его обществоорганизующий проект исключает полное равенство – недостижимую химеру, исключает жребий – обезличку и произвол случая, зато предоставляет народу достаточную свободу по принципу «каждому свое – по природе и от каждого – необходимое по справедливости». Избранные, но отнюдь не избранники, мудрецы-философы, «охранители законов» и искусные воспитатели-наставники вершат политику на пользу всем людям.

Вместе с тем весь жизненный и научный опыт заставлял его трезво смотреть на вещи: идеальный *homo politicus* не рождается по воле случая и редко становится таковым, а искусство управления людьми – «одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений». Поэтому сам политический режим, государственное устройство должны быть такими, при которых политические способности могли бы проявиться в полной мере и те, кто действительно к тому способен, продвигались бы к вершине правления и занимали бы там подобающее место. Поэтому, перебрав самые различные формы правления и государственного устройства, политические режимы, Платон вполне резонно указывает на то, что лишь тот из них «необходимо будет правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей».

Философ завершает предметную разработку государственно-правовой проблематики сугубо практическими рекомендациями, которые он выводит, сочетая содержательную глубину своего анализа с диалектическим методологическим подходом, констатацию факта, увиденного непредвзято, – с научным прогнозом, освещенным его прозорливым гением. Внешняя, кажущаяся противоречивость при этом на поверку оказывается синтетичностью позиции.

Платон не допускает даже мысли о бесконтрольности власти, об отсутствии ответственности за действия политиков и правителей, такого положения, при котором «браздодержатели» стояли бы над законом и вне закона. Он предупреждает всех: «Не следует быть мудрее закона», не должно быть «своеволия» в управлении государством, «когда исполнится год правления» любого правителя, его надо поставить перед судом народа и потребовать у него отчета. В то же время подчеркивается, что «законодательство – это часть царского искусства; однако прекраснее всего, когда сила не у законов, а в руках

царственного мужа, *обладающего разумом*», поскольку «закон никак не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим для каждого, и это ему предписать». Таким образом, в результате выполнения законов – «никто из граждан никогда не должен сметь поступать вопреки законам» – создается законность в государстве. Но правопорядок, по Платону, понятие более широкое и емкое. Оно идет от права, учитывает политическую волю правителя, политическую среду, другие политические условия и обстоятельства.

Казалось бы, противоречивая позиция проясняется с помощью диалектики, которая, «подобно карнизу, венчает все знание». Закон составляет условие появления политика и совершенного политического строя. Но при всей верности закону, который должен выражать божественную мудрость и справедливость, философ признает необходимость эффективной, инициативной политики. Он указывает на возможности наилучшего правления того, кто владеет высшим «царским искусством».

Последователь Платона – Аристотель отдает предпочтение в государственном устройстве правлению *аристократии* (власти немногих лучших для общего блага) либо *политии* (власти многих лучших для общего блага), которые, если рассматривать функциональные качества этих схем правления, мало чем отличаются от идеалов Платона, поскольку также подразумевают господство лучших по уму и нравственному достоинству людей. В принципе, все граждане должны иметь право на участие в государственном управлении, но допускаться к нему могут, по достижении зрелого возраста, только получившие соответствующее воспитание и образование.

Исходя из того, что в каждом государстве население делится на три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими, а, по общепринятому мнению, умеренность и середина – лучшее из всего, то очевидно, что и средний достаток из всех благ более предпочтителен, поскольку при наличии его легче всего повиноваться доводам разума.

Напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа, по мнению Аристотеля, становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред.

Говоря о должностных лицах в государстве, Аристотель указывает, что должности могут занимать только те лица, которые обладают, как минимум, тремя качествами:

1. Сочувствуют существующему государственному строю.
2. Имеют большие способности к выполнению обязанностей, сопряженных с должностью.
3. Отличаются добродетелью и справедливостью, соответствующими каждому виду государственного строя.

Вместе с тем часто высшие должности в государстве занимают *демагоги*, которые приобретают доверие народа тем, что чернят знатных. *Демагоги* в большинстве случаев в итоге становятся *тиранами*.

Далеко небезразлично знать, считает Аристотель, на чьей стороне истина, так как и всякий верно мыслящий человек, и государство в целом должны, разумеется, сообразоваться с наилучше поставленной целью жизни. По мнению одних, властвовать над своими ближними деспотически – дело величайшей несправедливости, властвовать же над ними по-граждански хотя и не включает в себе ничего несправедливого, но препятствует счастливому существованию самого властителя. Совершенно противоположно мнение других: практически деятельная и государственная жизнь только и подходит для мужа, потому что в применении каждой добродетели открывается большое поле деятельности не

для частного человека, но только для того, кто занимается общественными и государственными делами. Таковы суждения о сути власти Аристотеля.

Более критично вопросы государственного правления и системы власти рассматривает в своих трудах Гольбах. В частности, он считал, что если люди, управляющие народом, проявляют несправедливость или небрежность при выполнении своих обязанностей, то они ослабляют этим государство, поскольку рвут узы общественного союза. Именно в подобных случаях в обществе зарождается та или иная оппозиция, растет противодействие, преступность, помыслы людей склоняются к пороку. Личный интерес становится превыше общественного, поступками граждан руководит лишь эгоизм, они все более нарушают законы, поскольку поняли, что их можно нарушать безнаказанно.

В плохо управляемом обществе почти все его члены становятся врагами друг друга. Каждый живет только для себя и очень мало заботится о ближних; каждый руководствуется лишь своими желаниями, помышляет только о личной выгоде, не имеющей ничего общего с общественными интересами.

Гольбах пишет: «Поскольку природа создала людей неодинаковыми как по физическим силам, так и по склонностям сердца и умственным способностям, общество в целях собственного благополучия должно соответственно проводить различия между своими членами и распределять свое уважение, свою любовь и свои награды пропорционально полезности, или, иначе говоря, заслугам, способностям и добродетелям граждан. Отсюда возникают разные категории граждан, различающиеся между собой по правам и обязанностям, равно как и по функциям, посредством которых они должны содействовать осуществлению общей цели объединения, выполняя свои особые задачи.

Цель правительства и законов должна заключаться в том, чтобы направлять способности всех подданных на обеспечение общих интересов и, следовательно, не допускать, чтобы хоть один из граждан государства использовал преимущества, которыми он обладает, против остальных. Для удовлетворения потребностей нации необходимо, чтобы каждый гражданин выполнял свои особые задачи, чтобы занятия граждан были различными; благодаря этому возникает обмен услугами, без которого объединение не может существовать. Всех, начиная с граждан, которых предрассудок рассматривает как самых ничтожных, и кончая теми, кто управляет государством, должна связать цепь услуг – единственных связей, посредством которых можно объединить между собой существа одной природы.

Трудовой народ, вынужденный работать, чтобы обеспечить свое существование, выполняет самый тяжелый труд – занимается сельским хозяйством, торговлей и ремеслами; в обмен на услуги, получаемые от сограждан, он кормит и одевает их, удовлетворяет их потребности и доставляет им наслаждения; он работает на тех, кто берет на себя обязательство управлять им, нести заботу о его безопасности, размышлять за него, заниматься его нуждами и потребностями, поддерживать спокойствие, необходимое для его труда, и разрешать его споры.

Без этих взаимных услуг людей общество немедленно распалось бы. Каждый гражданин должен по-своему содействовать общему благу. В государстве, которым хорошо управляют, добродетели людей, приносимая ими обществу польза, их мастерство в труде, живость, расторопность, способности должны служить неизменным мерилем для вознаграждений. Беспольный человек ослабляет цепь, связывающую граждан общества; преступный человек совсем разрывает ее.

В то же время, – отмечает Гольбах, – стремление нравиться народу, быть ему полезным, удовлетворять его потребности, просвещать его, воспитывать в нем высокие моральные качества – верный признак мудрого управления. Доброжелательно относящееся к народу правительство должно проявлять особую заботу о нравах. Если у народа нет твердых нравственных устоев, это говорит о том, что у него нерадивые и развращенные правители. Праздность, распутство, многочисленные преступления, нищенство являются несомненными признаками того, что нацией плохо управляют. Ничто так глубоко не

развращает все классы общества, как пример, подаваемый государями, а также богатыми и знатными людьми, которых каждый гражданин считает образцом для себя.

Нет ничего более удивительного, чем то ничтожное внимание, какое уделяют руководители наций народному просвещению. Повсюду народное образование отдано на попечение служителей церкви, гораздо больше занятых ослеплением умов людей притчами, чудесами, тайнами религии и ее обрядами, чем формированием их душ согласно правилам общественной и естественной человеческой морали.

Повсюду народ набожен и религиозен, но не имеет представления об истинных добродетелях; у него везде есть религия, которую он находит, однако, возможным сочетать с развратом, распутством и мошенничеством. Повсюду народ оставляют в неведении насчет его обязанностей по отношению к обществу. Повсюду боятся, чтобы он не стал образованным, и мешают ему просвещать свой разум. Чем более тяжелой делает деспотизм жизнь людей, тем менее он желает, чтобы их просвещали. Горе тем, кто властвует лишь над лишенными разума и просвещения рабами, чьи нравы всегда будут дикими и преступными!

Просвещение народов должно быть самой важной заботой всякого правительства. Неужели государи никогда не поймут неопценимых преимуществ власти над разумными существами? Только тирания ищет славы в том, чтобы царить над слепцами и варварами. Желать, чтобы люди оставались непросвещенными, – значит желать, чтобы они были непослушными и злобными. Тираны! Вам нужны невежественные, легковверные и порочные подданные; вам нужны суеверные рабы, которые верили бы, будто небеса посылают им бедствия, вызванные в действительности вашей нерадивостью, вашими безумствами, притеснениями и жестокими поступками. Однако вы напрасно льстите себя надеждой обрести безопасность в их слепоте. Дикари всегда кровожадны; глупцы всегда легковверны, опрометчивы, неосторожны. Опасайтесь поэтому, как бы в них не вызвали возмущения против тех, кто заставляет их носить цепи. Опасайтесь, как бы в один прекрасный день они не стали орудием честолюбия и фанатизма, которые обратят ваших рабов против вас самих.

Для того чтобы любить свое правительство, надо знать, в чем его достоинства или его преимущества; поэтому необходимо просвещать народ, чтобы он был благоразумен и мог понять, какие неприятности ожидают его, если его соблазнят лицемеры, если он послушает советов честолюбцев или высокопарных фанатиков. Знания всегда придают народу сдержанность и умеряют его порывы; если народ погружен в невежество, он становится игрушкой страстей всех недостойных и опасных граждан. Только всеобщее образование может сделать народ благоразумным, помочь ему распознать собственные интересы, внушить ему чувство привязанности, которое он обязан испытывать к своему правительству и своим общественным учреждениям, пробудить в нем чувство долга, заставить его понять преимущества спокойствия и осознать те опасности, которые угрожают ему, если он поддастся внушениям предателей и льстецов, пытающихся сбить его с пути. Просвещение народа дает государству возможность избегать раздоров между партиями, потрясений и волнений, вызываемых честолюбцами и клеветниками.

Одни лишь тираны заинтересованы в том, чтобы народ не имел ни знаний, ни разума, ни воли; несправедливое правительство стремится довести народ до состояния отупевших животных, так как просвещение дало бы ему возможность осознать свое жалкое положение и увидеть всю глубину своих несчастий; препятствия, чинимые народному образованию, являются неоспоримым свидетельством порочности системы управления и полнейшего нежелания властей управлять лучше.»

Здесь нелишне будет вспомнить высказывание Канта о том, что главным средством преодоления войны и противоречий между государствами также является длительная работа просвещения, воспитания и нравственного совершенствования каждого человека.

Таким же образом рассуждал и Бехтерев, считая, что: «Обязанностью правительств является поддерживать и расширять научные учреждения и зорко следить за правильным развитием науки и за всеми научными открытиями, дабы иметь возможность использовать их в целях государственного благоустройства. Само собой разумеется, что высшая школа

не должна сводить свои задачи к выдаче дипломов на служебные права, как это практикуется у нас ныне, а должна быть лишь истинным светочем научного образования и просвещения, центром движения науки и местом подготовки научных деятелей.»

Таковы воззрения великих мыслителей на существо власти, которыми успешно пользуется цивилизованное общество, просвещенные, а потому и благополучные народы и государства мира. Однако эти суждения, к сожалению, не являются до сих пор преобладающими в нашей пока малопросвещенной стране. В России, где понятия нация и разум, интеллект несовместимы до сих пор, где властные структуры занимают все кто угодно: кухарки, механизаторы, строители, завхозы, а теперь еще мошенники и криминал, национальная интеллектуально-нравственная элита (низведенная еще в 1917 году) напрочь отсутствует. Функции национального мозга пока никем не выполняются, ибо нет организма самой нации. Поэтому страна, лишаемая ноосферного влияния и погружающаяся все больше во тьму (в прямом и переносном смысле), т.е. в невежество и негасферу, имеет то, что имеет, переживая один кризис за другим. Те же, кто рвется у нас к власти, в большинстве своем рвутся не выполнять предписанную им функцию - думать об общественном благе, о развитии нации, о ее будущем, о просвещении народа, а лишь о том, как им урвать из общественного котла то, что осталось еще недоразворванным.

В головах людей продолжает действовать оценочный механизм, выстраивающий «элиту» по имущественному, а не ментально-нравственному цензу (что в условиях царящего хаоса и беззакония автоматически выдвигает на олигархический верх наиболее вороватых и бандитствующих представителей). Это позволяет также наиболее бессовестным политикам-демагогам завоевывать внимание избирателей, давая бедствующему, в большинстве нищему, загнанному в угол непросвещенному народу лживые, т.е. невыполнимые обещания тех или иных материальных благ. Сравнить людей по уму (интеллекту), сознанию, моральным критериям, преданности интересам нации (патриотичности), честности и совести у нас никто даже и не пытается – такие люди российским обществом, несуществующей нацией просто все равно не востребовываются. Поэтому менять в лучшую сторону ухудшающиеся макростатистические показатели экономики, демографии, экологии никто не берется, некому.

В то же время в стране продолжает действовать и ленинская национальная политика, что находит выражение в углублении межнационалистических противоречий, разжигаемых местными националистическими лидерами в свою пользу. Это оказалось возможным в силу того, что у большинства российского непросвещенного народа до сих пор отсутствует понимание разницы между нацией и национальностью, исторической особенностью каждого из этих понятий. Говоря о национальных интересах, никто никогда не поясняет, что именно им имеется в виду – общенациональные или националистические интересы, и уж тем более не подчеркнет, что во всем цивилизованном мире общепринята приоритетность первых над вторыми. Говоря о русских, никто себе также отчетливо не представляет, о ком идет речь: о русских как нации россиян или о русских как национальности великороссов.

Поэтому и происходит постоянная путаница всех этих понятий, их бездумное смешение, чем и пользуются местные националистические проходимцы-демагоги, выторговывая у центральной власти по максимуму местечковый суверенитет в ущерб общенациональному. Однако выторговывают они его, как правило, не на пользу местному населению, а в своих собственных корыстных интересах, тем самым одновременно отбрасывая жителей данного региона в сторону от прогресса, от общенационального, от общечеловеческого развития.

Все людское многообразие каждой страны можно разделить (специфицировать) по развитости их ментальных способностей, сознания как минимум на три группы внешне практически ничем не отличающихся индивидуумов: фенотипически высшей, средней и низшей категории. Об этом подробно говорилось уже не раз.

Исходя из своих интересов, нормальное общество, как правило, стремится увеличить в своем составе долю индивидуумов первой категории и сделать ее наиболее

многочисленной. Это достигается как путем улучшения генотипа людей, так и за счет постоянного совершенствования систем воспитания и образования, а также привлечения "утекающих мозгов" из других мест. В то же время оно борется с численностью лиц третьей, низшей категории, идентифицируя и максимально минимизируя их влияние на жизнедеятельность двух первых, вплоть до их физической изоляции и, если они не поддаются лечению или воспитанию, даже их уничтожения. Нормальное общество вынуждено это делать, чтобы самому остаться здоровым. В противном случае ему грозит ситуация, когда представители третьей, самой низшей категории начнут проникать вверх по вертикали властных пирамид, вызывая тем самым тяжелое системное расстройство всего социума, которое, если с этим не бороться, со временем будет представлять уже смертельную опасность для всего данного сообщества людей, невзирая на их социальный статус.

Вот почему **политические** преобразования в любой стране должны проводиться с учетом указанных факторов именно в сторону **политии** посредством продвижения на **политических** верх самых лучших носителей разума, ибо, в противном случае, психически нездоровые люди, индивидуумы с недоразвитым или искаженным сознанием, одним словом, ментально больные и криминальные элементы, хотя это те же больные, пользуясь теми же правами и льготами, что и нормальные рабочие и служащие, офицеры и врачи, в конечном итоге могут оказаться во главе руководства обществом и властвовать над ним по-своему. В этом случае весь данный социум может стать их заложником или еще хуже – переступить ту грань, которая ведет к его распаду, к самоуничтожению. Этот механизм (вымириания) заложен в самой природе общества в целях сохранения позитивного развития человечества.

Как мы отмечали, национальная интеллектуально-нравственная элита представляет из себя лучшую часть первой, высшей группы населения по нашей квалификации. Теперь посчитайте, сколь малую долю населения эта элитная часть составляет в российском обществе сейчас из-за проведенных над ним социальных экспериментов, когда, начиная с 1917 года и вплоть до последнего времени, систематически уничтожалась именно первая категория людей, а все время множится только третья.

Таким образом, исходя из общей кризисной ситуации, сложившейся в настоящее время в России, но, прежде всего, ввиду отсутствия объединенной нации и крайне низкого уровня населения по фенотипическому составу, становится очевидным, что вывести страну из ее нынешнего плачевного положения не в состоянии в одиночку ни одна экономическая программа, ни одна политическая сила (будь то какая-либо партия или даже их блок), ни Госдума, ни даже Президент России, каким бы хорошим и умным он ни казался. Это способны сделать лишь остатки подлинной **национальной элиты** общества, подобранной по ментально-нравственным признакам.

Пока же «наверху», во власти, видятся, тусуясь на различных сборищах, в основном люди неэлитные. Это может означать, что элитные либо внизу, на «дне», либо их так мало *воспитано и образовано*, что увидеть их «наверху» не представится возможным еще долгое время. А если это так, тогда горе такому обществу, такому государству. Его участь – умножающиеся несчастья, гибель и распад.

Анализ властвующей ныне в России *псевдоэлиты*, изучение путей, какими она оказалась во власти, навеивает отнюдь не радостные мысли. К примеру, общеизвестно, что, чтобы стать, например, просто гражданином США, необходимо пройти длительный испытательный срок, после чего успешно сдать экзамен, ответив минимум на 20 вопросов. Чтобы стать капитаном любого воздушного или морского корабля, нужно, получив соответствующее образование, приобрести соответственные навыки, сдать не один серьезный экзамен, пройти не один трудный тест. А уж о том, какую тщательнейшую проверку проходят те, кто работает в Администрации Президента США, и говорить не стоит. В то же время, чтобы войти в управление такого сложного государства, как Россия, никакого специального образования не нужно, никаких тестов проходить не требуется,

каких-либо ментально-нравственных цензов не существует – лишь чья-то протекция или личная преданность вышестоящему начальнику.

Особенно неприлично выглядят проходящие выборы в правящие «элиты» местных уровней. Наивное, голодное, невежественное народное большинство второй и третьей категории голосует за любого, кто больше чего-нибудь наобещает (коммунизма, квартир, зарплат, экономического улучшения и т.п.). Механизма спроса с обещающих за дающиеся ими лживые обещания у нас не существует. Этим и пользуются проходимцы всех мастей, легко проникающие таким способом во власть и разлагающие ее изнутри, как социальная раковая опухоль.

Чрезвычайно важно также и то, что телевидение – самое популярное и эффективное СМИ – из средства массового просвещения и образования народа фактически превращено в средство массового оболванивания населения, поскольку количество учебных, образовательных и просветительских передач в программах неуклонно сокращается (позорно изъяты из российского телеэфира даже некогда существовавший на средства ЮНЕСКО образовательный телеканал "Российские университеты"!); тогда как в изобилии наращивается число развлекательных передач, тормозящих процессы мышления и даже явно имеющих задачи целенаправленного "кодирования" психики телезрителей или постоянного фонового доминирования животных инстинктов – для выгоды каких-то определенных групп.

Трудно обмануть просвещенных и образованных людей, однако очень легко манипулировать людьми непросвещенными и тем более невежественными. Поэтому успехи рыночной экономики в разных странах во многом основаны именно на подобной манипуляции сознанием и подсознанием потребителей.

Выход из нынешней ситуации видится лишь в одном: необходимо срочно приступить к становлению гражданского общества в России с использованием современных технологий и идеологий его организации, исходя из мирового опыта, через пересмотр приоритетности долей в структурном составе населения, начав подлинное возрождение Объединенной (единой) Российской НАЦИИ. Только тогда можно говорить об обустройстве России в целом. Начинать этот процесс следует с перехода с протекционистских, олигархическо-коммунодогматических принципов формирования власти на ноодемократические, а затем полностью на ноократические основы, с попытки собрать и организовать остатки подлинной ментально-нравственной **элиты**. Только здоровый коллективный мозг сможет грамотно возглавить и скоординировать ход возрождения и развития нации, воспитать, образовать и просветить граждан. Но этого подлинная элита может достичь лишь постепенно, через поддержку граждан с просыпающимся сознанием, получая ноократическим путем все большие властные полномочия, вытесняя из элитной ниши властных структур людей случайных и недостойных.

Вместе с тем необходимо помнить, что все революции вообще – это попытка занять верхние ячейки властных структур. Поэтому, если в идеале все вроде бы стремятся сделать это по парадигме «ноократической *политики*», т.е. заполнить «верх» самыми разумными, то фактически, из-за неумения их найти, незнания, как определить степень их разумности, властный «верх» в итоге захватывается большей частью *нелюдьми*, как самыми коварными, лживыми и жестокими индивидами.

То же, кстати, происходит и в экономике: приватизация – это для того, чтобы предприятие возглавил хороший руководитель, знающий менеджер-организатор, думающий о развитии производства на благо всех. Фактически же мы чаще всего наблюдаем картину наоборот – присвоение средств производства и менеджмента *нелюдьми* в целях сугубо личного обогащения в неподдающихся логике размерах.

Исходя из того, что кризис в нашей стране имеет системный (т.е. более глубинный), а не личностный характер, иного пути, кроме поворота к **ноократии**, россиянам сейчас не дано. Альтернативой этому является только еще большее увеличение числа индивидов третьей категории, все более активное заполнение ими структур всех уровней власти (что

уже и происходит) и, как следствие, дальнейший распад страны по националистическим швам, продолжение вымирания остановившегося в своем развитии населения регионов с непоправимо нарушенным сознанием и с последующим заселением освободившихся территорий соседними, более приспособленными к современной жизни жителями южных стран и Европы. Вот это и есть настоящая опасность для российской нации, но эту опасность невежественное большинство не хочет (вернее, неспособно) пока замечать, а если и замечает, то, обессиленное, подавленное, пребывающее в апатии, пренебрегает своим будущим.

Итак, о правильном понимании значения власти в том или ином обществе, государстве можно судить по отношению в нем к философии, а значит, к мудрости, истинам бытия, ноосферным знаниям, нравственным ценностям. Платон, например, утверждал, что наилучшим было бы даже такое правление, если государством руководил бы философ, либо правитель, очень хорошо познавший философию. Аристотель, называвший философию «наукой об истине», был долгие годы воспитателем и наставником Александра Македонского, который и после этого обязательно включал в число своих постоянных советников какого-либо философа.

Однако со временем философия утратила в сознании людей былую привлекательность. Этому способствовала путаница, когда к философам стали причислять любых философствующих персон. Философию, науку наук, стали постепенно отодвигать на задворки общественного внимания, знания, сознания. Даже Нобель не включил ее в перечень своих номинаций на ежегодные, ставшие престижными, премии.

В этой связи Эдмунд Гуссерль был вынужден провести четкую разделяющую линию, чтобы отделить философию как строгую науку – плод коллективного многовекового труда, стремящуюся всякое глубокомыслие превратить в ясные рациональные логические образования, с одной стороны, от идей так называемой мирозерцательной философии, являющейся плодом отдельных мудрствующих, часто патологически, личностей. И введя подобную классификацию, Гуссерль призвал представителей мирозерцательной философии отказаться от притязаний считать ее наукой и в то же время не “тормозить прогресс строго научной философии”.

Поэтому возврат к приоритетам разумности, нравственности, продвижение в общество всего ноосферного и сведение к минимуму воздействия на людей элементов негасферы, признание первоочередности ментально-нравственных параметров над всеми прочими при формировании элиты – вот тот путь, который может вывести из тупика, из застоя, повернуть к лучшему от гибельных перспектив любое сообщество, государство, человечество в целом.

Необходимо срочно глобально менять парадигму построения общества, государства, приводя ее к тому, к чему пришли мыслители всех времен и народов – повсеместное утверждение принципов ноократической **политии**, или **ноократии**, т.е. верховенство разума во всем, начиная, прежде всего, со всех трех или четырех властных ветвей, при одновременном воспитании, просвещении и нравственном совершенствовании всех без исключения граждан всех государств всего человечества.

